

18+

Диана Низамова

Авария

<https://litres.ru/74267824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна

Моё сердце разделилось между двумя парнями, такими разными, что казалось мне невероятным. Один был вихрем страсти, легко увлекающим за собой: его поцелуи, обжигали, слова звучали как клятвы, а обьятия обещали вечность. Другой – тихий, обещающий покой и спокойствие. В его глазах я видела отражение своей души, в его прикосновениях – нежность, а в его молчании – понимание. Но вместо обретения гармонии, я получила лишь раны от обоих. Как мне жить дальше?

Константин

Мои мечты разбились о суровую реальность. Вражда с братом, тянувшаяся с детства, лишь усугубила ситуацию. Я был готов на месть, но случайная встреча с незнакомкой изменила мои планы. Теперь же, вопреки всему, меня обвиняют в аварии. Смогу ли я когда-нибудь всё изменить?

Диана Низамова

Авария

«Синоптики не доверяют погоде, ведь даже она переменчива».

Севостьянов. Е. В.

Посвящается:

Если вы держите эту книгу в руках, значит, наша история любви обрела своё завершение и воплотилась на этих страницах. Идея, зародившаяся ещё в четырнадцать лет, теперь с радостью разделена с вами – это плод нашей любви и творчества, частички души.

Мы бесконечно благодарны своим родным и близким за веру и поддержку в этот особенный момент. Спасибо большое издательству, которые поверили и помогли нам реализоваться, как авторам своей собственной книги.

Особое вдохновение мы черпали, во-первых, из фильма «После» по роману Анны Тодд, а во-вторых, трогательных книжных мирах «Анны Джейн, Кэнди Стайнер, Эммы Скотт и Алёны Черничной».

Надеемся, что, открывая эту книгу, вы сможете полностью погрузиться в наш мир и прожить эту историю вместе с нами,

почувствовав всё то, что мы в неё вложили. Приятного вам прочтения.

Плейлист

(который рекомендовано слушать, когда ты читаешь нашу историю)

1. Миша Смирнова - Прости
2. Dimas Blog, Аля - Эхо
3. Юлия Савичева – Если в сердце живёт любовь
4. Чай вдвоём - Нежная
5. CHEBANOV - Химия
6. CHEBANOV - Патрики
7. Мартин – Чужие рассветы
8. Rauf & Faik - Колыбельная
9. Дмитрий Колдун - Царевна
10. Время и стекло – Так выпала карта
11. Маша Вебер – Нон-стоп
12. Мот – Мурашками

Плейлист

(с выступлениями ребят)

Валерия - Формула счастья;

Валерия - Ветер;

Стас Костюшкин - Останешься;

Сергей Лазарев - Даже если ты уйдёшь;

Владимир Пресняков - Без неё никак;

Влад Топалов и Сергей Лазарев - О боже дай мне сил;
Maksim - Как летать;
Дима Билан - Задыхаюсь;
Maksim - Другая реальность;
Дима Билан - Я твой номер один;
Иванушки International - Тополиный пух;
Артур Пирожков - Зацепила;
5sta family - Просыпайся;
5sta family - На расстоянии звонка;
14. 5sta family – Зачем;
15. Юлианна Караулова – Девочка на миллион.

1 ГЛАВА

Аня

Апрель 2016 год

История начинается с того, что я с Кириллом еду в машине. Это был обычный день, ничто не предвещало беды. Я смотрела в окно, где красовалась природа — изумрудные поля, переходящие в густой сосновый бор, одинокие берёзы с белоснежными стволами, словно застывшие в вечном танце. Весеннее солнце заливало всё вокруг золотистым светом, и мир казался таким безмятежным почти идиллическим. Но внутри меня бушевала совсем другая стихия — ураган чувств, который я тщетно пыталась скрыть за маской спокойствия.

Я вспоминала события трёх с половиной недель назад.

Помню это время, как сегодняшний день — каждая деталь, каждый оттенок эмоций врезались в память, будто выжженные раскалённым железом. Чтобы понять, что произошло дальше, вам нужно знать всю историю с НЕЙ, от начала и до конца. Потому что с неё всё и началось.

Наше знакомство вышло необычным. Она не просто пришла ко мне в гости, а скорее ворвалась в мою жизнь, словно ураган, сметающий всё на своём пути. Дома я была одна, в любимой бежевой пижаме с мишками. Никого не ждала, наслаждаясь моментом. Тишина квартиры, обычно такая уютная, вдруг показалась гнетущей. Я сидела в любимом кресле у окна, укутавшись в мягкий плед, и читала свою любимую книжку — «Запрети любить» Анны Джейн. Люблю такие американские горки, которые пишут в историях — когда сердце то замирает от нежности, то сжимается от боли, а потом вдруг взрывается от ярости. Именно в такой момент пока читала, раздался звонок в дверь. Неохотно поднявшись с дивана, я поплелась к двери, чтобы посмотреть, кто там. В глазок я увидела незнакомую девушку.

Она была худой и стройной, с осанкой королевы, которая знает цену своему величию. На вид ей было примерно 20 лет. Стройная фигура, высокий рост — всё в ней кричало о безупречности. Но больше всего поражали её глаза — карие, холодные, словно льдинки, смотрящие с вызовом и неприкрытым высокомерием. На ней был синий комбинезон, который смотрелся с серым пальто в клетку. Элегантные туфли

так подчёркивали её дерзкий стиль. Дополнила образ белая сумка. Едва я открыла дверь, она бесцеремонно вошла в мою квартиру, не дожидаясь моего одобрения. Её движения были резкими, уверенными, будто она здесь хозяйка.

— Ах, вот она, та самая квартирка Ани Денисовой, — произнесла она, окинув помещение презрительным взглядом. — Стены, конечно, тусклые и совершенно безвкусные. Тебе бы, милая, не помешал ремонт и что-нибудь посовременнее, в тренде, — с явным сарказмом и пренебрежением добавила девушка.

Я стояла в оцепенении, не зная, как реагировать. Её наглость не имела границ — явиться ко мне без предупреждения и приглашения, да ещё и критиковать мой дом! Она продолжала осмотр моего жилища, изучала каждый уголок, где я жила, дышала и существовала. Её взгляд скользил по книжным полкам, фотографиям на стенах, уютному пледу на кресле — всё это словно подвергалось безжалостному суду.

— Простите, — начала я, сделав паузу, чтобы собраться с мыслями. — Вы кто? Не могли бы вы представиться? — вежливо, но твёрдо попросила я.

— Меня зовут Эвелина Дмитриева. И я будущая невеста Кирилла, твоего бывшего. Наверняка ты его хорошо знаешь. Ах да, я забыла, ты его очень хорошо знаешь, солнышко, — произнесла она, и её серые глаза вспыхнули презрением.

Я смотрела на неё в ответ, пытаюсь осознать смысл проис-

ходящего. Мысли метались в голове, словно птицы в клетке. Если честно, я не знала, как реагировать на эту незваную гостью и на новость, которую она мне только что сообщила.

— Объяснись, — процедила я сквозь зубы, не отводя от неё взгляда. В моих глазах читалось требование: полный и честный ответ.

— Ах, ты моя хорошая, — приторно начала она, растягивая слова, словно наслаждаясь каждой секундой моего замешательства. — Мы с моим медвежонком вместе гораздо дольше, чем ты думаешь. Я столько слышала о его репутации бабника, о том, что он меняет девушек как перчатки. Ты для него всего лишь очередная игрушка, если быть точнее, мимолётная лю-бов-ни-ца, — она злобно рассмеялась со своих же собственных слов. — Дорогуша, он сделал мне предложение в прошлом месяце. Я его невеста, и скоро у нас свадьба, — самодовольная улыбка расцвела на её лице, словно ядовитый цветок.

Кирилл женится? Да что же это такое! Значит, он мне врал? Мы знакомы с ним примерно полгода. И всё это время он твердил, что любит меня, что я ему нужна, что он со мной не из-за денег. Лапшу на уши вешал, мальчишка! Подруга говорила бросить его, а я не в силах была сделать это. А ещё клялся о том, что я единственный человек в его жизни. Он мечтал построить со мной большую семью. Или это я мечтала об этом за нас? По крайней мере, он так говорил.

Сейчас я просто в шоке. Единственный вопрос, который крутится в голове: зачем я ему теперь? И пока вам это всё рассказываю, в моей квартире стоит ОНА. Мадам, которая, наверное, ждёт, что я расплачусь и покажу свою слабость. Получается, он познакомился с ней раньше, чем со мной. Вся эта история отвратительна и запутана. Эвелина явилась ко мне, чтобы открыто заявить о своих правах и получить свой «заслуженный приз». Но Кирилл — не игрушка и не вещь. Как она этого не понимает?

Девушка едва заметно кивнула, показывая, что по-прежнему здесь. Вынырнув из своих мыслей, я повысила голос:
— ПРОШУ ВАС ПОКИНУТЬ МОЮ КВАРТИРУ!

Эвелина ухмыльнулась. Бросив на неё косой взгляд, я продолжила настаивать. Дмитриева немного помолчала, обдумывая что-то, а затем произнесла:

— Знаешь, Аня, тебе стоит забыть о нём. Как я уже говорила, у нас скоро свадьба. Он мой парень, а не твой.

Она продемонстрировала мне свою правую руку, на которой красовалось очень красивое обручальное кольцо — блестящий символ чужой любви, чужой мечты. Подарок того самого человека, который клялся мне в верности.

— Так что не усложняй ситуацию и отпусти его. И как он только мог в тебя влюбиться? Ума не приложу, — с иронией в голосе закончила девушка и одарила меня своей улыбкой — холодной, расчётливой, полной превосходства.

Я, не выдержав её напора, отчеканила, глядя прямо ей в

глаза:

— УХОДИ ИЗ МОЕЙ КВАРТИРЫ. ВОН!

Указав рукой на дверь, я старалась не поддаваться на провокацию. Ещё немного, и я сорвусь, вырву ей все её волосы, разобью эту надменную маску. Эвелина прожигала меня взглядом, полным уверенности и превосходства. Конечно, ей хватило смелости вывалить на меня всю эту грязь. Добившись своего, она бросила напоследок:

— Когда вся правда выплывет наружу, ты, солнышко, будешь горько плакать. Будешь умолять Кирюшу вернуться. Но запомни мои слова: он никогда не будет с тобой. Так что не мечтай.

В её глазах читалось желание унижать меня вечно. Наверняка ей доставляло удовольствие причинять людям боль. Я лишь слегка кивнула в ответ, стараясь скрыть свои истинные чувства. Она расхохоталась так громко, что её смех эхом отдавался в ушах, проникая в самые глубины души. Продолжая указывать ей рукой на дверь, через несколько секунд Дмитриева покинула мою квартиру.

Я закрыла дверь и сползла по ней на пол. Нервы были на пределе. Разговор с ней стал последней каплей для меня. Казанцев не просто соврал мне — он жил двойной жизнью. Почему это случилось именно со мной? Сейчас единственный выход из положения — отпустить его. Истериически рассмеявшись, я надеялась, что станет хоть как-то легче. А её слова: «И как он мог в тебя влюбиться»? — эхом

отдавались в моей голове. Все влюбляются друг в друга, находят свою вторую половинку. И то, что он был со мной, — нормально. Почему Эвелина не сказала, что я его не люблю? И что ему нужна такая, как она? Даже сейчас, произнося её имя, я с сарказмом закатываю глаза к потолку. Она заявила, что я ему не пара, недостойна его. Как смешно!

Вскочив на ноги, я убежала в свою комнату, чтобы выплакаться в одиночестве. Сейчас самое время дать волю слезам, не показывая никому свою слабость. Прорыдала в подушку, словно её слова были ножом, вонзившимся в спину. Мой бывший поступил так же подло: притворившись влюблённым, вскружил мне голову и решил, что я буду с ним. Моей злости не было предела. А ведь Даша предупреждала меня, говорила, что не стоит связываться с ним, что он бабник.

В ярости я начала швырять подушки. Сначала пыталась попасть ими во что-нибудь, чтобы разбить, но в итоге они просто падали на пол. Я плакала тихо, но потом начала кричать, выплёскивая всю свою боль и ярость.

ВОЗВРАЩАЕМСЯ В НАСТОЯЩЕЕ.

Очнувшись от своих раздумий, поняла, что надо поговорить с ним. Даже не знаю, как его назвать. Парень? Язык не повернётся. Он слишком долго обманывал меня, притворялся и клялся в любви. Я была для него игрушкой, любовницей для развлечения. Любил ли он вообще? На этот вопрос, ответа не имею. Нужно выяснить всё как есть. Собравшись

с духом, я посмотрела ему прямо в глаза.

Вот он. Вальяжно сидит за рулём своей машины. Оделся прямо как на парад. Белый свитер с высоким горлом, строгие чёрные брюки и ботинки, идеально подобранные в тон его стилю. Раньше не замечала, чтобы Кирилл так одевался. Теперь же выдохнув, я начала:

— Ответь мне, пожалуйста, кто я для тебя?

Если честно, я постаралась говорить уверенно, чтобы он услышал и задумался над моим вопросом. В моём голосе звучало недовольство. Да и как иначе, когда любимый человек так поступает? Можно ли его так называть? Понятия не имею.

Казанцев смотрел на меня, и улыбка на его лице сменилась недовольным выражением. Ему показалось, что я знаю его тайну. Да, я знаю, мальчик, ты обманывал меня. И я знаю твою историю с Дмитриевой. Но что ты скажешь сейчас? Конечно, нет, Анята, ты не любовница, а девушка, будущая жена, на которой я женюсь. Мать моих детей. И я тебя очень-очень сильно люблю. Слишком много слов и мало действий.

— Почему ты вдруг решила спросить у меня о таком? — прозвучал его ровный, словно отшлифованный голос. И всё? Больше ни слова не скажет?

— Ты и... — я запнулась, имя её застряло комом в горле. Выдохнув, продолжила. — Вы с ней давно вместе. Свадьба на носу. А может, она уже носит под сердцем твоего ребёнка, Кирилл? — голос дрогнул, несмотря на старательно вло-

женную иронию. — Ты разыгрывал спектакль, жил на два фронта. Я — лишь второстепенный персонаж в твоей пьесе, тень за твоей спиной, к которой ты крадёшься украдкой, пока она — твоя главная мечта. Зачем ты так поступаешь со мной? Мог просто остаться с ней. Разве я не права? Такое не прощают, Казанцев. Никогда. Он озадаченно посмотрел на меня:

— Что? Что за бред ты несёшь? Я люблю только тебя. Эвелина — это досадная ошибка, случайность в моей жизни, — горячо убеждал он, пытаясь достучаться до меня.

— Ошибка? Случайность? — поинтересовалась у него, убирая с одежды небольшую соринку.

Он смотрит ошарашено на меня. На мой бежевый свитер, поверх которого была тёплая белая куртка бомбер. На мои бежевые ботинки, чуть испачканные уличной грязью. И на подаренную им чёрную сумку. Которую я теперь, кажется, уже сама недолюбливала.

— Да, но откуда ты это узнала?

— Тебя волнует, что ты можешь меня потерять? От того, что я скажу, ничего не поменяется. И это не ошибка. Ты просто пытаешься удержать меня, заставить поверить в эту ложь. Как же это жалко для тебя малыш, — и я саркастически рассмеялась со своих слов.

Как я и предвидела, Кирилл выбрал именно этот путь. Почему он не может быть честным со мной? К чему этот фарс, эта ложь? Неужели так сложно открыть правду? Мы бы рас-

стались достойно, без этой горечи.

— Эвелина наплела тебе что-то? Ань, я и эта девушка, — начал парень, но я прервала его, захлёбываясь от ярости.

— Я не верю ни единому твоему слову! — выкрикнула я, отворачиваясь к окну, чтобы скрыть разъедающую боль.

— Аня, послушай...

Начал он и остановил свою машину.

— Нет! Ты даже сейчас не можешь сказать правду! Всё те же пустые слова, те же заученные фразы. «Я люблю только тебя», «она — ошибка» ... Как ты можешь так легко играть чувствами двух девушек?

— Ты не понимаешь, — начал он, но я снова перебила.

— А что тут понимать? — я горько усмехнулась. — Ты выбрал её. Просто не решался мне сказать или боялся потерять меня как запасной вариант? Удобно, правда? Одна — для будущего, другая — для развлечений.

Он хотел, что-то возразить, но я подняла руку, останавливая его.

— Знаешь, самое обидное не то, что ты меня обманывал. Обидно, что я верила каждому твоему слову и прикосновению. Думала, что для тебя это что-то значит. А оказалось, всё было фальшивкой.

Кирилл замер, словно от удара. На мгновение в его взгляде промелькнуло что-то искреннее — может, растерянность, может, вина. Но уже через секунду маска вернулась на место. Молодой человек тронулся с места, и мы вновь поехали.

Всё это отвратительно. Почему нельзя сказать правду? Зачем эти жалкие оправдания, попытки выставить меня идиоткой, готовой поверить в нелепую ложь? Он ведёт себя так, словно пытается убедить меня в обратном. Но я не чувствую ничего, кроме пустоты.

Когда он в последний раз говорил мне, что любит? И даже если говорил. Где были действия, подтверждающие его слова? Лишь обещания, рассыпающиеся в прах при первом же дуновении ветра, лишь взгляды, скользящие мимо, словно я — предмет мебели, а не живой человек. Он говорит о будущем со мной. Но я вижу лишь фальшь, тщательно выстроенную декорацию, за которой скрывается ледяная пустота. И самое ужасное — я начинаю сомневаться в себе.

Может, я действительно требую слишком много? Но ведь это нормально, требовать от парня желания. И всё равно в глубине души я знаю правду. Любовь не должна быть такой. Любовь должна согревать, а не замораживать, дарить крылья, а не приковывать к земле. Я больше не могу притворяться, что верю в эту ложь. Честно после такого заслуживаю большего, уважения к себе. Казанцев продолжил свой путь к нашим общим друзьям.

Я могла бы сказать маме о ситуации. Пожаловаться сестре, но вопрос смогут ли они мне помочь. Чувствовала, что ситуация безнадежно вышла из-под контроля. Заметив, как он нервничает после нашего разговора, как неуверенно ведёт машину, в следующее мгновение впереди перед нами ехал

КАМАЗ и Казанцев потерял управление. Я почувствовала резкий удар обо что-то твёрдое, хруст стекла, и всё погрузилось во тьму.

Сквозь пелену бессознания до меня донёсся голос незнакомца, вызывающего скорую. Ему, кажется, повезло больше — он был в сознании. Изуродованная, растерзанная передняя часть нашей машины зияла, словно пасть чудовища. Металл искорёжен, надежда погребена под грудой обломков. Казалось, нас вырвут из этого стального плена, а истерзанную «ласточку» эвакуатор унесёт в сервисные застенки на долгие месяцы мучительного восстановления. Пять томительных минут, и вой сирены разорвал тишину. Скорая помощь, словно ангел спаситель, забрала нас в больничные пены. Теперь я лежу погружённая в беспамятство. Да будет проклят тот день, когда я поехала с ним и разговаривала. Пусть его собственные кошмары поглотят.

2 ГЛАВА

Кирилл

Позвольте мне увлечь вас в прошлое.

История наша началась в Санкт-Петербурге — в сумрачном лабиринте дворов-колодцев, где ветер шепчет обрывки чужих разговоров и доносит грустные мелодии старых шарманщиков. Под свинцовым небом, пропитанным сыростью и терпким запахом Невы, жил я — Кирилл Казанцев. Моя Планёрная улица затерялась, где-то в этом каменном хаосе.

Не любитель долгих вступлений, поэтому сразу перейду к сути истории.

Родители с пелёнок твердили о спорте. А я — их первенец, их гордость, душа семьи. Лишь с Костей, младшим братом, — вечный разлад. Ему 19 лет. У него карие глаза, русые волосы, высокий рост, стройное и накаченное телосложение.

Причина была проста: зависть, разъедающая его изнутри. Брат жаждал моих достижений, стремился отнять то, что, как ему казалось, принадлежало мне. С детства, день за днём, он упрямо пытался доказать всем, что ничуть не хуже. Но все его старания и попытки заслужить родительскую похвалу разбивались о стену непонимания. В глазах родителей он был легкомысленным и безответственным. Зато покорять женские сердца ему удавалось отлично. И это лишь усиливало мою злость к нему — ведь и тут он был первым.

Всё началось в *марте 2014 года*, когда я находился в отношениях с моей бывшей девушкой Софией. Она была моей первой любовью. Любил её до безумия. Годы счастья, оборванные предательством.

Я возвращался с учёбы — сегодня было 5 пар. На часах уже было 18:00. В мыслях лишь одно: устроить романтический ужин для своей девушки. Уже у себя дома решил подготовиться к нашей встрече. На меня смотрело моё отражение: классическая белая футболка и широкие брюки, поверх него свободный бежевый пиджак. На ногах белые кроссовки, которые добавляли образу лёгкость. После этого я сел в

машину, завёл двигатель — и помчался к ней.

Дорога казалась бесконечной, но я подбадривал себя мыслью о её счастливой улыбке, когда она увидит, что я приготовил. В голове прокручивались варианты меню: может, её любимая паста с морепродуктами? Или что-то более изысканное — утиная грудка с ягодным соусом? А может, просто её любимые суши, но приготовленные своими руками, с особой любовью...

Заехав в ближайший супермаркет, я быстро прошёлся по рядам, собирая необходимые ингредиенты. Свежие креветки, спелые помидоры, ароматный базилик, бутылка хорошего вина — всё должно быть безупречно. На кассе продавец улыбнулась мне, словно угадывая мои намерения. «Хороший вечер предстоит», — подумал я, расплачиваясь за продукты. В спешке бросился к машине. Мы жили не вместе, но у меня были ключи от её квартиры и частенько я делал ей такие неожиданные сюрпризы.

Уже подъезжая к дому, я предвкушал, как она будет удивлена. Хотел сделать этот вечер особенным — наполненным теплом, заботой и, конечно же, любовью. Ведь именно такие моменты делают отношения по-настоящему крепкими и незабываемыми. Я уже представлял, как мы будем сидеть за красиво сервированным столом при свечах, разговаривать обо всём на свете, и как её глаза будут сиять от счастья.

Открывая дверь квартиры, я занёс сумки. И тут — замер. На полу стояла лишняя пара обуви. Прислушался — и услы-

шал непонятные звуки. Было похоже на стоны двух людей. Их голоса доносились из нашей спальни.

Первой мыслью было: «Может, шалит без меня?» Но тревога нарастала — София никогда бы не сделала этого без меня. «Неужели это то, о чём я думаю?!» — сердце заколотилось, предвещая что-то страшное.

Я медленно двинулся по коридору. Каждый шаг казался вечностью, а тишина, прерываемая лишь этими странными звуками, давила на уши. Остановился у спальни. Рука дрожала, когда потянулась к ручке. Не знаю, что ждёт меня за этой дверью. Но неизвестность была хуже любой правды. Глубокий вдох — и я ногой толкнул дверь.

В комнате царила картина, от которой кровь застыла в жилах. На кровати лежал Костя, а на нём — София. Они не заметили или сделали вид, что меня нет. Их тела сплелись, в каком-то странном, напряжённом моменте, который прерывался тихими, сдавленными стонами. Похлопав в ладоши, я решил обратить на себя внимание.

— Кхм, кхм, — откашлялся я, прерывая их идиллию. Они оба уставились на меня. — Что здесь происходит?!

Лицо моей девушки залилось краской. Она попыталась оттолкнуть моего брата, но тот, казалось, застыл, словно статуя, с широко распахнутыми глазами. В воздухе повисла такая густая тишина, что, казалось, можно было услышать, как падают пылинки.

Он, наконец, медленно моргнул. Его взгляд скользнул по

моему лицу, а затем вернулся к ней — которая теперь пыталась прикрыться одеялом, словно оно могло скрыть её от моего взгляда.

— Ты не должен был сюда входить, — произнёс Костя ровным, холодным тоном, от которого я почувствовал себя незванным гостем, нарушившим нечто важное. — Ты прервал самый лучший наш момент.

— Да ну?! — спросил я, чувствуя, как внутри закипает гнев, смешанный с недоумением. Кровь прилила к лицу, а в ушах застучало. — Братец, это моя квартира и моя девушка! Момент того, что происходит между тобой и ею на этой кровати?!

Он не ответил, лишь сжал губы в тонкую линию. Её лицо, всё ещё красное, теперь выражало смесь страха и отчаяния. Девушка смотрела то на него, то на меня — словно между двух огней.

— Он просто пришёл меня проведать, — соврав, прошептала София, и её голос в этот момент задрожал. — Я плохо себя чувствовала.

— Да ладно?! — я усмехнулся, но смех получился горьким и злым. Внутри всё сжалось от боли и ярости. — Так ты решил мою девушку утешить таким образом?!

Парень наконец отвёл взгляд от неё и посмотрел прямо на меня. В его глазах не было ни раскаяния, ни страха — только какая-то странная, непримиримая решимость.

— Это не то, что ты думаешь, — растерянным взглядом

ответила моя девушка.

— А что я должен думать, по-твоему, скажи мне?! — я сделал шаг вперёд, чувствуя, как напряжение в комнате нарастает до предела. Стены словно сжимались вокруг нас. — Что вы тут занимались йогой? Или, может быть, обсуждали последние новости мира?! Знаете, то, что я увидел, выглядит совсем иначе!

Девушка снова попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле. Я видел, как её плечи дрожат. Костя же в этот момент оставался неподвижным, его взгляд не отрывался от моего.

— Уходи! — повторил я, обращаясь к моему брату, но на этот раз в голосе появилась сталь. Каждое слово резало, как нож. — Сейчас же и не возвращайся!

— Ахах, — он рассмеялся, но это был уже не смех, а скорее рык. В его глазах вспыхнул злой огонь. — Смеешь указывать, что мне делать?! Ты совсем потерял берега!

Мне было противно от этой ситуации, его наглости и её участия в этом. Внутри всё горело, словно меня облили кислотой.

— Я не уйду, — сказал брат, глядя прямо в мои глаза. В его взгляде читалась неприкрытая дерзость.

— Может, объяснишь, что между вами происходит?! — глаза девушки испуганно расширились. — И ты тоже, — указал пальцем на неё.

С минуту они оба молчали, не зная, что ответить. А потом

моя девушка проронила голосом, едва слышным:

— Кирилл, извини... Я давно хотела сказать тебе... Я люблю твоего брата... Костю.

— Хороший подарок ты мне преподнесла, — прошептал я, чувствуя, как мир рушится вокруг. — Не ожидал от тебя такого.

Абрамова наглым образом предала меня. Боль от её поступка была слишком сильна, чтобы продолжать делать вид, будто ничего не произошло. Внутри меня что-то сломалось — словно хрусталь, рассыпавшийся на тысячи осколков. Я понял: единственный выход — разорвать эту связь, какой бы болезненной она ни была.

Моё сердце ощущалось как выжженная земля. Любые попытки восстановить прежнее лишь усугубляли раны. Я должен был уйти, чтобы дать себе шанс на исцеление, даже если это означало пройти через бурю отчаяния. Моя любовь к ней растопталась в два счёта — как хрупкий цветок под сапогом равнодушия. И простить её я больше не смогу никогда.

В конечном итоге мой нахальный младший братец соблазнил её и переспал с ней. Ещё бы чуть-чуть — и я убил его за это. Возненавидел, хотя родного брата вроде бы положено любить. Но не в моём случае. Понимал, что наши стычки ни к чему не приведут, потому и избегал открытых столкновений.

Я решил отомстить. В ответ украл его девушку и переспал с ней. На самом деле, если бы не ситуация с Софией, я бы

ему так не мстил. Кроме неё мне никто не нужен. А с Полей я встречаться вовсе не хотел — она не в моём вкусе. Но ярость и обида толкали меня на безрассудные поступки. Я хотел, чтобы он почувствовал ту же боль, что и я. Чтобы понял, каково это — когда твоё сердце разрывается на части.

Эта история оставила во мне глубокие шрамы — такие, что, кажется, время над ними не властно. Они кровоточат до сих пор, пульсируют при каждом воспоминании, будто живые. Мы ещё вернёмся к этому моменту.

Май 2015 год

Я вырвался из плена мрачных мыслей, машинально достал телефон — и вдруг замер. На экране вспыхнула реклама студии вокала «Musiclab». Сердце дрогнуло: ведь я так давно мечтал научиться петь! Мама всегда говорила: «Любое дело, которым ты занимаешься, приносит тебе радость». Эти слова эхом отозвались в душе, и я, не раздумывая, оставил заявку на сайте.

Через 15 минут раздался звонок. Мягкий голос девушки на том конце, пригласил меня на первое пробное занятие — завтра, в 13:30. Это был шанс, которого я ждал годами. Нельзя такое упустить. Надо попробовать. Мысль обжигала, как искра. Отбросив телефон, я направился в ванную, но голова кружилась от вихря образов: вот я на сцене, рядом — таинственная девушка, а зал взрывается овациями.

Интересно, буду ли я один на пробном занятии? Надежда шепталась, где-то в глубине: может, удастся с кем-то позна-

комиться. Но тут же холодная тень скользнула по сознанию: только бы Костя не решился тоже туда записаться. Как он может оказаться там, если он не знает о существовании данной студии? Но если вдруг узнает о них — его будет ждать от меня сюрприз. Пусть знает, куда совать нос не стоит. Я сжал кулаки: пение — это моё. Братишка, запомни: со старшим братом шутки плохи.

Организм трепетал в предвкушении. Хватит думать. После душа я рухнул в постель, но сон не шёл — перед глазами мелькали кадры будущего: голос, сцена и аплодисменты.

На утро следующего дня, в своём стандартном прикиде: белая футболка, сверху голубая рубашка, чёрные джинсы, белые кроссовки — я бодро шагал в студию, потягивая горячий латте. Тепло кофе проникало в пальцы, а внутри разрасалось волнение, похожее на праздничный фейерверк. Мысли плыли, как облака. Тут вдруг резкий толчок — и я сталкиваюсь с девушкой. Время остановилось.

Она была невероятна. Стильная, словно сошла с обложки глянцевого журнала. Фигура — воплощение изящества: идеальные пропорции, плавные изгибы, от которых перехватывало дыхание. Её образ состоял из красно-белого полосатого топа, поверх которого была надета джинсовая куртка. Низ дополняла короткая белая юбка с эффектным вырезом на боку, а завершали ансамбль стильные красные кроссовки и белые гольфы. На вид 18 лет, но в ней читалась какая-то древняя, почти мистическая мудрость. Синие глаза — как

два океана, куда можно утонуть. Блондинка с кудрявыми волосами, длиной чуть ниже плеч. Она предстала передо мной, как видение: хрупкая, но сильная, нежная, но непокорная. Стройная, подтянутая, высокая в росте, а каждая черта кричала о совершенстве. А ещё у неё зачётная грудь и попка.

Меня накрыло волной желаний — такого острого, что мне стало не по себе. Я представил, как прижимаю её к себе, как наши голоса сливаются в песне, а в финале — нежный поцелуй в её губы. Хочу коснуться её волос, почувствовать тепло кожи, услышать шёпот на ухо. Это было такое влечение — что я предчувствовал такую судьбу. Что-то важное и способное изменить всё.

Разум ещё сопротивлялся, но сердце уже тянулось к ней, как магнит к железу. Неужели это не иллюзия? А может шанс обрести то, чего я так долго искал?

Стоп! Я иду на занятие, а не на поиски любви! Очнувшись от грёз, я услышал её голос — звонкий, как колокольчик:

— Эй, полегче! Здесь тебе не автострада, чтобы людей сбивать с ног!

Я улыбнулся, чувствуя, как внутри разгорается азарт: — Прости, моя фея. Засмотрелся, как ты летишь мне навстречу. Может, компенсируем столкновение знакомством?

— Прости, но я не завожу романы на автостопах, — ответила она, и в её тоне смешались мягкость и сталь.

Не сдамся. Я не привык к отказам, особенно от таких кра-

савиц. Это не конец — а начало нашей игры. Я решил резко поцеловать пальцы этой милой дамы.

— Незнакомка, затмившая солнце, позволь ещё раз услышать твой голос? — выпалил я, одаривая её самой ослепительной улыбкой.

Она окинула меня испытующим взглядом, слегка склонив голову:

— Я уже сказала: не знакомлюсь. Мы впервые видим друг друга.

— Неужели перспектива разделить со мной вихрь эмоций совсем не греет твоё сердце? — подмигнул я.

— Не знаю, — ответила девушка. Я огляделся, чтобы найти своё здание. — А ты идёшь на вокал в эту студию? — уточнила она, и на её губах появилась улыбка — едва заметная, но от этого ещё более пленительная. Боже, это самая прекрасная улыбка, которую я когда-либо видел.

— Да. Сегодня первое пробное занятие.

— Мне тоже туда. Пойдём вместе? — предложила резко она, указывая на дверь.

— Конечно, дамы вперёд, — галантно произнёс я, распахивая дверь с широкой улыбкой.

Мы вошли. Внутри царила атмосфера, от которой мурашки пробегали по коже. Это был рай музыки. Каждый звук проникал под кожу, заставляя вибрировать каждую клеточку тела. Мелодии сплетались в единое полотно, рисуя картины, которые невозможно описать словами.

Нас встретила приветливая администратор и провела нас на второй этаж. Пока мы поднимались, я думал о том, как пройдёт занятие. И вдруг — словно удар молнии — я увидел Константина Казанцева, образ которого выглядел слишком бледно. Его тёмно-синяя рубашка, с двумя верхними расстёгнутыми пуговицами, контрастировала с узкими чёрными джинсами. Завершали образ простые чёрные кроссовки и кольцо на пальце, которое, казалось, лишь подчёркивало его врождённое изящество. Взгляд братца словно прожигал меня. Что ты здесь забыл? Я ответил ему немым вопросом. Затем его глаза скользнули к ней. На его лице читалось ревность и презрение. Казалось, он готов испепелить нас обоих. Но я не из тех, кто просто так сдаётся. С фирменной ухмылкой я приблизился к девушке:

— Может, скажешь своё имя? — и положил руку на её талию.

— Лучше останусь для тебя загадкой, — она убрала мою руку и ухмыльнулась.

— Я не оставлю попыток разгадать твоё имя, — промурлыкал я, нагло ухаживая за ней под испепеляющим взглядом моего брата.

И тут Костя подошёл к нам.

— Какая честь! — сказал я с лучезарной улыбкой. — Сам Константин Казанцев почтил нас своим присутствием.

— А ты, дорогой братец, всё тот же: как был занозой в заднице, так ею и остался, — процедил он.

— Вы знакомы? — её голос прозвучал, как хрустальный колокольчик.

— Да, это мой драгоценный младший братишка, который без моей мудрой руки и шагу ступить не может, — ответил я с улыбкой.

— Смотрю, у кого-то язык острее бритвы, — проворчал Костя.

— Я могу помолчать, в отличие от тебя, неугомонного болтуна.

— Мальчики, пожалуйста, прекратите! — её голос остановил нас.

Костя ехидно спросил:

— А ты хоть знаешь имя этой прелестной леди?

Я почувствовал, как внутри всё сжалось. Он наслаждается моей растерянностью.

— Мы столкнулись всего пару минут назад. Вряд ли успели обменяться своими именами, — спокойно ответила она, спасая меня.

— Таких, как ты, давно уже никто не запоминает, — парировал я, кидая колкость в адрес Кости. — Просто смирись. Он стиснул зубы.

— Парни, я вас умоляю, хватит!

— Видишь, дама просит по-хорошему.

— А я умею только по-плохому, — грубо ответил я.

— Если не остановимся, это добром не кончится. Помнишь прошлое? — с усмешкой напомнил он.

Прошлое. Воспоминания нахлынули, как волна. Мечь, обиды и бесконечные перепалки.

— Ты первый тогда начал!

— Нет, ты!

— Страх сковал тебя, братец? — я ухмыльнулся.

— Какой ещё страх? — Костя резко шагнул ко мне, и в его глазах вспыхнул знакомый опасный огонёк. — Ты всегда любил приписывать мне свои слабости.

Она встала, между нами, подняв руки в успокаивающем жесте:

— Пожалуйста, хватит. Вы словно два разъярённых быка, готовых снести всё на своём пути.

Я усмехнулся, но в груди неприятно закололо. Она права — мы действительно вели себя как два безумцы. Но отступить первым? Никогда.

— Видишь, даже эта принцесса понимает, что ты ведёшь себя как ребёнок, — бросил я, стараясь сохранить лёгкость в голосе.

Костя сжал кулаки, но вдруг резко рассмеялся — коротко и жёстко:

— Ребёнок? Ахах. Очень смешно я прям не могу.

Я посмотрел на девушку, которая стояла рядом со мной — словно Афродита, явившаяся из пены морской. Её красота была симфонией, где каждая черта лица выглядела безупречно. Волосы цвета расплавленного золота, глаза — два бездонных океана.

Вновь посмотрев на своего брата в голове, пронеслась мысль. Месть — блюдо, которое подают холодным, — прошептал мой внутренний голос. И тогда я решился. Резко притянул девушку к себе и впился в её сладкие губки обжигающим поцелуем. Её губы оказались именно такими, какими я их воображал: мягкими, словно лепестки ночной фиалки, и горячими, как летний ветер над морем.

Девушка прервала наш поцелуй и дала мне смачную пощёчину.

— Ты совсем с ума сошёл?! — выдохнула она, ошарашено смотря на меня и поправляя свои волосы. — Что это было?

Я потёр горящую от пощёчины щёку, но ухмылка не сползла с лица. Пожав плечами, я сказал:

— Хотел проверить, насколько далеко ты позволишь зайти.

Её глаза вспыхнули гневом.

— Проверяй на ком-нибудь другом! — она шагнула назад, оглядываясь на Костю, который стоял с выражением нескрываемого изумления на лице.

Костя наконец обрёл дар речи:

— Ну ты и кретин, братец. Даже для тебя это перебор.

— Зато всё честно я считаю, — прошептал я. — Теперь ты точно не останешься для меня загадкой. Она отступила, покачала головой:

— Нет. Это конец. Я не буду участвовать в ваших детских разборках.

Внутри меня был огромный триумф. Поцелуй, задуманный как удар по брату, вдруг показался мне отличной победой.

3 ГЛАВА

Костя

По сравнению с моим братцем Кириллом моя жизнь никогда не была простой — словно я вечно бежал по минному полю, а он шествовал по красной ковровой дорожке, не зная преград. С самого детства родители ставили его в пример — эти слова врезались в память, как раскалённые иглы:

— Твой брат нарисовал замечательный рисунок! У твоего брата по математике и русскому языку одни пятёрки!

Кириллу всё давалось без труда — будто сама судьба шептала ему подсказки, а мне оставляла лишь глухое молчание. Ему только исполнился 21 год, но он уже обладал той притягательной внешностью, от которой замирают сердца. Высокий, стройный брюнет с выразительными карими глазами — он излучал уверенность и силу, словно родился с невидимой короной на голове.

Я изо всех сил стремился быть похожим на него, тянулся к его тени, но как бы ни старался — ему всегда доставалось больше внимания. Родители гордились им, а я оставался в этой вечной полутени, где даже солнечный луч казался чужим. Не помню, чтобы родные так гордились мной. Отчаянно, до боли в груди, не хватало их признания и похвалы. Мне

тоже хотелось всего этого — тепла, восхищения, ощущения, что я что-то значу. И, поверьте, это только начало. Пусть он и старше — это не имеет значения. Знаете, я докажу всем, что ничем не хуже своего брата. Зато покорять женские сердца ему удавалось отлично. И это лишь усиливало мою злость к нему — ведь и тут он был первым.

Говоря об этом, расскажу о той роковой ситуации, которая произошла со мной в *июне 2014года*. В своём коричневом, рабочем костюме и блестящих чёрных туфлях, возвращаясь с подработки, я ощущал, как мысли окутывает мягкое облако надежды. Я представлял, как проведу вечер со своей любимой девушкой — Полиной. В воображении рисовались картины: мы гуляем по вечернему городу, наши руки сплетены, как ветви старого дерева; или уютно устраиваемся на диване, смотрим старый фильм, попивая горячий глинтвейн. В голове уже прокручивались варианты ужина — что заказать из нашего любимого ресторана, что принесёт нам хоть каплю счастья. Эти мысли наполняли меня предвкушением, лёгкой радостью, делая дорогу домой почти приятной.

Когда я приехал ещё не знал, что будет подлянка от Кирилла. Припарковал машину у дома и поднялся по лестнице, меня уже встречал знакомый аромат её духов — тонкий, нежный, словно шёпот весны. Сердце билось чаще, улыбка сама расцветала на лице. Достав ключи, я открыл дверь и замер.

Вместо ожидаемого уюта и тепла меня встретила тишина.

Гнетущая, ледяная, она сковала меня изнутри. В полумраке прихожей я заметил чьи-то кроссовки. В мыслях мелькнуло: «Гости?» Но эта обувь была явно мужской, и я точно знал — ни у кого из наших общих знакомых нет таких.

Я медленно прошёл в гостиную, стараясь не шуметь, но каждый шаг отдавался в ушах, как удар молота. На столе стояли два бокала с остатками красного вина, а на диване небрежно лежали её лифчик, мужские джинсы и пиджак. Моё сердце пропустило удар, а в голове за пульсировала одна мысль: «Не может быть!»

Но реальность кричала об обратном. Я почувствовал, как земля уходит из-под ног, а в горле пересохло, словно я проглотил горсть песка. «Где она? И кто этот незнакомец, оставивший здесь свои вещи, словно хозяин?» Из спальни донёсся приглушённый мужской голос. Каждый звук, казалось, усиливался в тишине квартиры, превращаясь в молот, бьющий по моим нервам. Я замер, прислушиваясь, пытаюсь понять, что происходит. Холодный пот выступил на лбу, а руки начали дрожать, будто листья на ветру.

Сделал шаг к спальне — каждый сантиметр казался бесконечным, словно я шёл по зыбучим пескам. Дверь была приоткрыта, и я мог видеть лишь часть комнаты, но этого было достаточно. На кровати, в объятиях другого молодого человека, лежала моя девушка — Полина Давыдова. Мой взгляд зацепился за её лицо. Оно было расслабленным, почти блаженным, в то время как парень находился сверху, и

его лица не было видно.

Толкнул дверь ногой, и она полностью открылась, я постучал по косяку, прервав их бурную страсть. Они оторвались друг от друга и оба посмотрели на меня. Её глаза, обычно полные озорства и жизни, теперь были затуманены, в них читалось замешательство и что-то ещё, что я не мог сразу определить. Щеки её пылали, а губы были припухшими, словно от поцелуев.

Наконец он повернул голову и теперь я мог его разглядеть. Не может быть — это собственной персоной мой братец, Кирилл Казанцев. Он не выглядел испуганным — скорее раздражённым моим вторжением.

Тишина повисла в воздухе, густая и неловкая, наполненная невысказанными вопросами и обломками моих собственных ожиданий. Я чувствовал, как кровь приливает к лицу, но старался держать себя в руках. Мой голос, когда я наконец заговорил, прозвучал глухо и неуверенно, совсем не так, как я хотел бы:

— Полина, — произнёс я, и это слово прозвучало как приговор. — Что тут происходит? Объясни, пожалуйста.

— Дорогой братец, ты помешал нашим прекрасным развлечениям, — с ехидством произнёс он, и в его голосе звучала насмешка, от которой внутри всё сжалось.

— Сейчас я не с тобой разговариваю, а с ней, — дал я отпор ему, сжимая свои кулаки. — Полин, может, ты мне объяснишь?

Она отвела глаза, её губы дрогнули, словно собирались что-то сказать, но слова застряли в горле. Тишина повисла между нами — густая, тяжёлая, наполненная

невысказанными обвинениями и недомолвками.

Брат усмехнулся, наслаждаясь моментом. Он всегда любил наблюдать за моими страданиями, за тем, как я теряю контроль. Но сейчас я не собирался ему этого позволять. Моё внимание было приковано к ней и её молчанию, которое говорило громче любых слов.

— Полина, — повторил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но внутри всё кипело, словно вулкан, готовый в любую секунду извергнуть лаву боли и ярости. — Я жду от тебя ответа. Что это за «развлечения»? И почему ТЫ с ним?

— Это не то, что ты думаешь, — наконец прошептала Давыдова. Её голос был едва слышен, словно ветер, проносящийся сквозь опавшие листья, — хрупкий, беззащитный, но оттого ещё более ранящий.

— А что я должен думать? — мой голос сорвался на чуть более резкий тон, раздражение прорвалось наружу, как гной из незаживающей раны. — Вижу тебя в объятиях моего...брата, слышу его слова о «развлечениях». Что ещё я могу думать?!

Парень издал тихий смешок — он пронзил воздух, как тонкая ледяная игла, оставляя после себя жгучий след. Он схватил одеяло, накинул на себя и встал с кровати, сделав шаг вперёд. В полумраке комнаты его глаза блестели — хо-

лодно, насмешливо, с оттенком явной угрозы.

— Не дави на неё малой, — произнёс Кирилл, и его противный голос показался мне как липкая паутина. — Она сама всё расскажет, ведь так? — он обернулся к Полине, и в его взгляде читалась немая команда.

Я чувствовал, как кровь приливает к лицу, как пульсирует каждая вена, будто готова лопнуть от напряжения. Мне казалось — они что-то скрывают, и это разъедало меня изнутри, словно кислота.

— Не лезь в наш разговор! — прорычал я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль хоть немного отрезвляла. — Сейчас я хочу послушать Полину.

Она снова отвела взгляд. Её лицо стало бледным, почти прозрачным, будто она медленно исчезала прямо у меня на глазах. Я видел, как она борется с чем-то внутри — с виной, со страхом и с решением, которое уже приняла. Это молчание было невыносимо. Каждый миг растягивался в вечность, наполненную тревогой, предчувствием чего-то необратимого, чего-то, что навсегда изменит всё.

Я ждал, затаив дыхание, надеясь, что у неё найдутся силы сказать правду — даже если она разобьёт мне сердце вдребезги.

— А что я должна тебе сказать? — наконец вырвалось у неё, и её голос дрожал, но в нём звучала неожиданная, пугающая сила. — Хочешь услышать правду? Тогда слушай. Я от тебя получаю так мало внимания. Ты вечно занят на своей

подработке. Постоянно остаюсь одна. И мне кажется, что я становлюсь для тебя чужой.

Её слова ударили меня, как пощёчину. Я почувствовал, как что-то внутри сжалось, будто сердце сжали в кулаке. Не ожидал такого. Думал, она скажет, что-то о деньгах или о бытовых мелочах. Но это было гораздо большее.

— Полина... — начал я, но она резко подняла руку, останавливая меня.

— Нет, не надо оправданий! — её голос зазвенел, как натянутая струна. — Я не хочу их слышать. Просто хотела, чтобы ты сам всё увидел. Может быть, тогда бы ты понял, что потерял. Но уже слишком поздно. Хотя зачем такие долгие прелюдии? Всё гораздо проще. Мне давно нравится Кирилл.

— Хорошо, — прошептал я, и эти слова вырвались из меня, как последний вздох. — Понял.

Знаете, безумно любил свою девушку. Души в ней не чаял. Готов был на всё ради неё. Но такое счастье оказалось недолгим — хрупким, как стекло, которое разбилось в один миг. Я пробыл с Полиной недолго, а тут появился брат — и всё испортил. Он увёл у меня любовь. Не просто увёл — соблазнил, переспал с ней, забрал то единственное, что давало мне силы дышать.

Можете себе представить? Ему хватило его обаяния, самоуверенной улыбки, вечного превосходства, чтобы она легла с ним в постель. После этого наши отношения закончились — тихо, без слёз и прощальных слов.

Внутри меня дикая невыносимая пустота. Я не понимаю, почему все девушки выбирают именно его! Да, он привлекателен. Да, он уверен в себе. Но и я не промах! Я тоже умею любить — искренне, отчаянно, до дрожи в руках. Хочу, чтобы меня любили так же дико и страстно. Но теперь это лишь мечты грёз, которые навряд ли сбудутся... Они так и останутся мечтами: пустыми, несбыточными, как мираж в пустыне.

Не понимаю, чем заслужил такое отношение к себе. Почему я всегда второй? Почему я всегда в тени? Этот вопрос крутится в голове, как заевшая пластинка, но ответа нет. Пока это остаётся для меня загадкой, которую невозможно разгадать.

Май 2015 год

И тут — резкий звук. Телефонный звонок, как удар молота, вырвал меня из омута боли и отчаяния.

— Да, здравствуйте, — ответил я, пытаюсь выровнять голос, спрятать за ним разбитое сердце.

— Здравствуй, Константин. Это администратор из студии «Musiclab». Вы оставляли заявку на нашем сайте?

На секунду я замер. В голове — хаос, но этот голос, спокойный и деловой, будто протянул мне спасательный круг.

— Конечно, — выдохнул я. — Я бы хотел научиться петь.

— Отлично! У нас есть уроки вокала. Завтра в 13:30. Приходите на пробный день. Мы с вами будем рады познакомиться.

— Спасибо вам большое, — сказал я, и в этот момент что-то внутри шевельнулось. Не надежда, а возможность. — Обязательно приду.

Я отключился и, не раздумывая, набрал номер Даши. Нужно было кому-то рассказать и услышать живой, тёплый голос, который напомним, что я ещё существую, и у меня всё получится.

— Даша, привет! — мой голос дрогнул, но я быстро взял себя в руки.

— Костя, привет!

— Как ты?

— Отлично, а ты как?

— Превосходно. У меня потрясающая новость! Завтра иду на первый урок вокала в «Musiclab»!

В её ответе прозвучала искренняя радость, и на секунду мне стало легче. Будто сквозь тучи пробился луч солнца.

Я действительно был безумно счастлив. Завтра я смогу попасть туда — в место, где, возможно, начну заново. Туда, где смогу забыть старое. И может быть, найти новое.

Моей подруге Даше было 17 лет. У неё были серо-голубые глаза — они всегда светились мечтательностью и творческим задором, куда бы ни направлялось её внимание. Она была стройной, высокой шатенкой со светлыми волосами — словно воплощение юной, неукротимой энергии.

Одна мысль о предстоящем занятии — и о том, что я буду там не один — вызывала во мне восторг, похожий на элек-

трический разряд. Даша всегда поддерживала любые мои начинания, и сейчас её одобрение было для меня особенно важно.

— Какая замечательная новость! Безумно рада за тебя, от всей души поздравляю!

Меня согревала мысль, что Денисова тоже будет учиться вместе с ним в клубе.

— Пойдёшь со мной в студию учиться?

— Прости, у меня другие планы. Сейчас я хочу заниматься только блогерством и никак иначе.

— Но наверняка в студии ищут инфлюенсеров. Почему бы тебе не попробовать?

— Я не хочу ни на кого работать. Считаю, что это не моё.

— Я слышал, что в этой студии тоже занимаются этим.

— Тебе завтра во сколько идти?

— В 13:30.

— Я подумаю и утром позвоню тебе позвоню.

— Хорошо. До завтра.

Я отключил телефон и погрузился в свои мысли. Не мог перестать думать о предстоящих занятиях. Лишь бы там не оказался мой драгоценный братец! Это бы точно всё усложнило — одна мысль о его присутствии вызывала внутри горький привкус раздражения и бессильной злости.

Приняв душ, почистив зубы, я нырнул в тёплую постель и быстро уснул.

Мне снился странный, тревожный сон. Я слышал голос,

но не видел девушку. Когда незнакомый силуэт появился, она плавно и грациозно двигалась, зовя меня к себе. Её голос, словно шёпот ветра в листве, ласкал слух — и одновременно вызывал необъяснимую тревогу, будто за этой нежностью скрывалась опасность.

Я не мог разглядеть её лица — оно было скрыто в полумраке, словно за занавесом из тумана. Но что-то в её движениях, в изгибе шеи, в том, как она протягивала ко мне руку, манило меня, как мотылька на пламя. Земля под ногами казалась зыбкой, словно песок, утекающий сквозь пальцы. Чувствовал, что должен идти к ней, что это единственный путь, — но что-то внутри отчаянно сопротивлялось, кричало о надвигающейся опасности.

Я сделал шаг вперёд — и пространство дрогнуло, словно поверхность потревоженного зеркала. Каждый последующий шаг отдавался в груди глухим эхом, будто я ступал не по земле, а по натянутой над бездной плёнке. Туман вокруг сгустился, обволакивая фигуру девушки плотным серебристым коконом, и лишь её рука, тонкая и бледная, как лунный луч, продолжала манить меня сквозь эту зыбкую пелену.

Её шёпот нарастал, превращаясь в многоголосый хор — теперь я различал десятки, сотни голосов, сплетающихся в единую мелодию. Они пели на неведомом языке, и каждое слово, проникая в сознание, оставляло там ледяной след. Я попытался остановиться, но ноги будто приросли к этой зыбкой почве, а воля растворялась в гипнотическом ритме её

движений.

Внезапно туман разорвался на мгновение — и я увидел. Не лицо, нет, лишь очертания глаз, глубоких, как омуты, в которых плескалась древняя, нечеловеческая мудрость. В этом взгляде было всё: обещание вечной тайны, зов неизведанного и холодная, беспощадная правда — я никогда не смогу вернуться, если переступлю эту грань.

Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица, а в висках стучала одна мысль: «Это ловушка». Но ноги, словно подчинённые чужой воле, продолжали нести меня вперёд. Последний шаг — и туман сомкнулся за спиной, отрезав путь назад. Девушка приблизилась, и её шёпот, теперь отчётливый и ледяной, прозвучал прямо у моего уха:

— Ты уже здесь. Назад дороги нет.

Я проснулся от двойного удара: звонка будильника и звонка моей подруги на второй линии. Забавно — два будильника сразу. Но, наверное, это к лучшему. Зато точно не пропущу первое занятие.

Отключив будильник, я ответил на её звонок.

— Даш, доброе утро! Ты как раз вовремя. Я уже испугался, что проспал и не успею подготовиться к занятиям, — ответил я с неизменной улыбкой, но внутри всё трепетало от предвкушения.

— Доброе утро, Кость. Ты настоящая соня. Хотела сказать, что пока ты спал, я хорошо подумала над твоим вчерашним предложением.

— И что ты решила? — сердце на миг замерло.

— Мою заявку в студию одобрили, и я тоже буду ходить туда.

— Отличная новость! — вырвалось у меня, и я почувствовал, как внутри расцветает что-то светлое, почти невесомое.

— Тогда при встрече расскажешь, что тебе приснилось, — произнесла девушка с лёгкой игривостью в голосе.

— В 13:10 встречаемся около студии.

— Договорились.

Поболтав ещё немного, мы попрощались. Я задумался о том, что надеть, и решил не забыть купить нам кофе по пути. Даша, насколько я помню, предпочитает латте, а я обожаю раф. Возьму то, что мы оба любим.

Выбирая наряд, я приложил немало усилий — хотелось выглядеть не просто шикарно, а по-настоящему уверенно. В итоге надел чёрные джинсы, тёмно-синюю рубашку и чёрные кроссовки. Надушился своим любимым одеколоном, успев при этом одеть наручные часы и кольцо на палец. Пригладил волосы гелем и вышел на улицу.

По пути я заглянул в нашу кофейню и взял кофе для нас. Подойдя к зданию, я увидел мою подругу — она оживлённо беседовала с незнакомкой. Та была со светлыми волосами, в красно-белом полосатом топе, поверх которого джинсовая куртка, снизу была белая юбка с вырезом на боку, а на ногах стильные красные кроссовки, вместе с гольфами. Тем временем другая выглядит — в светло-розовых спортивных шта-

нах и в топе мятного цвета, шею украшал необычный кулон в виде бабочки, а на её ногах были белые модные кроссовки.

Незнакомка поразила меня своей красотой — словно вспышка, ослепившая на мгновение. Её облик вызвал во мне неподдельный интерес, смешанный с каким-то странным, почти мистическим узнаванием.

Дождавшись, когда незнакомка отойдёт, я подошёл к Даше, чтобы поздороваться и узнать, кто это был.

— Привет, вот твой кофе, — сказал я, протягивая ей стаканчик. Она улыбнулась и взяла его. Я отпил своё кофе.

— Привет. Спасибо, Кость, — ответила девушка с тепло-той в голосе.

— А кто это с тобой разговаривала? — поинтересовался я, глядя ей в глаза.

— Это моя сестра, Аня Денисова. Мы с ней с самого детства не разлей вода. А что, уже понравилась? — в её голосе прозвучала лёгкая насмешка, но без злобы.

— Есть такое. Просто я никогда раньше не видел её с тобой, и ты о ней не рассказывала, — признался я, всё ещё ощущая это странное, почти навязчивое чувство, будто я уже где-то эту красотку видел. Неужели это было наваждением?

Мысли закружились, словно воздух в летнем вихре, цепляясь друг за друга, не давая сосредоточиться. Нужно отбросить их — но они греют мою душу и ничего с этим не поделаешь. Дашка вывела меня из этого хаоса одним лишь вопросом:

— Так Расскажи мне, милый принц, что тебе сегодня приснилось?

Я на миг замолчал, заново переживая тот загадочный образ. Перед глазами снова возник туманный силуэт, манящий, недостижимый.

— Мне приснился очень загадочный сон. Я даже не сразу понял, кто мне снился. Это был силуэт девушки, до боли такой знакомый. Во сне она так красиво звала меня к себе, что я не мог устоять. А ещё у неё был красивый, звонкий голос, — я сглотнул, пытаюсь унять странное волнение. — Но как бы я ни старался её догнать, она всё больше отдалялась. И мне показалось, что твоя подруга чем-то на неё похожа. Если честно, сон странный. Как думаешь, может ли это быть она?

— Моя сестра очень красивая. Тебе стоит с ней познакомиться, — улыбнулась подруга, и в её глазах мелькнуло что-то неуловимое, будто она знала больше, чем говорила.

— Я готов, — твёрдо сказал я, оглядываясь по сторонам в поисках той самой девушки. Сердце забилось чаще — то ли от волнения, то ли от предчувствия.

— Уже ищешь её? Пошли внутрь, она наверняка там.

— Пошли.

Едва переступив порог студии, нас встретила администратор — с непринуждённой улыбкой, будто мы попали в другой мир, где всё устроено для нашего комфорта. Она проводила нас на второй этаж, и едва я поднялся, мгновенно схватил взглядом ту самую девушку. Она стояла у окна и по-

правляла волосы — каждое её движение было словно танец, незаметный, но завораживающий.

Мы с Дашей подошли к ней, и подруга представила нас: — Это Костя, мой лучший друг. А это Аня, о которой я сегодня тебе рассказывала.

Когда обнял девушку, меня мгновенно окутал удивительный аромат — нотки малины, черешни и клубники переплелись в каком-то изумительном аккорде. Я замер, замороженный: этот запах будто ударил в самое сердце. В голове пронеслось: «Всё, кажется я пропал». Влюбился — не только в неё, но и в этот неповторимый, чарующий аромат, который теперь, кажется, будет преследовать меня всю свою оставшуюся жизнь.

— Очень рада познакомиться, — ответила она и улыбнулась. Её улыбка была тёплой, но в ней таилась какая-то тайна.

— Взаимно. У тебя очень красивое имя. Давно занимаешься пением или ты здесь впервые?

— Нет, я с детства люблю вокал. Пение — моя жизнь. Не могу представить себя без этого увлечения. А ты?

— А я впервые, — признался я с лёгкой усмешкой. — Но надеюсь, это не последний мой визит сюда.

— Я извиняюсь, но мне нужно отойти, — вдруг резко выдала девушка и, не дожидаясь нашего ответа, направилась к выходу. Я даже не успел ничего ответить — только смотрел, как она уходит, оставляя после себя едва уловимый аромат

духов нотки вишни, смородины и клубника.

Поговорив ещё не много с Дашей, она тоже ушла — на 3 этаж. Я проводил её взглядом. Через 15 минут я заметил его и девушку, с которой недавно общался. Аня вернулась не одна — а в компании моего брата. Так и знал, что он заявится сюда. Что ему не сидится дома? Лучше бы за учёбу сел, а не по студиям разгуливал.

Не может быть, чтобы и дня не прошло без него. Что за день?! Они успели пофлиртовать, пообщаться — и вот уже Кирилл целует её у меня на глазах. Всё это время внутри меня росла волна ярости, но я держал её за хрупкой плотиной самообладания. Не обошлось и без перепалки, между нами. Последнее, что я помню, — это его слова:

— Неужели ты испугался, дорогой братец?

Чего мне бояться? Конечно, по его мнению, я должен бояться всех подряд и трястись от страха. То, что он старше, не значит, что я не могу дать отпор. Пусть я и младше его, но я не сдамся так легко. Значит, брат желает, чтобы я проиграл? Но он этого не получит. Плохо же он меня знает.

Пришла наш учитель по вокалу, и Кирилл с ней оторвались друг от друга.

— Усёк, брат? — покосился на меня он и ухмыльнулся.
— Ах да, забыл тебе сказать, что мы с этой прекрасной леди теперь пара.

Я стоял, словно громом поражённый. Его слова эхом отдавались в голове, будто удары молота по наковальне: «Мы

с этой прекрасной леди теперь пара». Эти слова резанули по самому живому, оставив глубокий, кровоточащий след.

Аня смотрела на меня — не с вызовом, а с какой-то странной, почти виноватой печалью. Будто сама не верила, что всё это происходит на самом деле. Её губы чуть дрогнули, но она промолчала. Денисова ушла, и я остался один на один с братом.

— Ну что, братец, — протянул Кирилл, — скажешь, что-нибудь? Или так и будешь стоять с открытым ртом?

Я сжал кулаки, чувствуя, как боль отрезвляет меня.

Внутри всё кипело, но я знал: если сейчас сорвусь, проиграю не только ему — но и себе.

— Поздравляю, — выдавил я из себя, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Рад, что ты наконец нашёл кого-то... — я запнулся, подбирая слова, — кто готов закрывать глаза на твои выходки.

Кирилл рассмеялся, но в его смехе не было веселья — только сталь, холодная и острая.

— Осторожнее со словами. Ты же знаешь, я не люблю, когда мне угрожают.

— А я не угрожаю. Просто констатирую факты.

Кирилл шагнул ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то хищное. Он всегда любил эти игры — на грани, где каждое слово взвешивается, а молчание давит тяжелее любых обвинений.

— Констатировать факты, — протянул он, склонив голову

набок, — ты научился. А вот понимать их — вряд ли.

Я сглотнул, но не отвёл взгляд. Внутри всё ещё клокотало, но я держал себя в руках, а в висках стучала кровь.

— Ты думаешь, что знаешь обо мне всё, — продолжил он, понизив голос до шёпота, от которого по спине пробежал холодок. — Думаешь, можешь судить, решать, указывать?

Я молчал. Говорить сейчас — значило проиграть. Любое слово могло стать той самой искрой, из которой вспыхнет пожар. Кирилл сделал ещё шаг, почти вплотную.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — он усмехнулся, и эта усмешка была хуже любой пощёчины. — Ты слишком много думаешь и анализируешь. Жизнь — не шахматная партия, где можно просчитать каждый ход.

Я отступил и решил, что нет смысла с ним больше разговаривать мне.

— Забыл тебе сказать, что Аня моя девушка!

4 ГЛАВА

Кирилл

Июль 2015 год

На следующий день... Наконец-то эта красотка — моя девушка! Даже мой братец, стоявший рядом, словно окаменел, потеряв дар речи от моих слов. Честно говоря, я и сам не ожидал от себя такой напористости. Не думал, что способен на столь дерзкий ход. Но, как говорится, моя шалость удалась! Вчера мы лишь индивидуально познакомились с учите-

лем. Обсуждали наш потенциал, то, как будут проходить занятия и что нас будет ждать дальше. А сегодня предстоит нам познакомиться со всеми остальными.

— Аня моя девушка! — победно произнёс Кирилл.

Нависшую неловкую тишину внезапно разорвал голос учительницы, попытавшейся вернуть нас к реальности. Мы зашли в кабинет.

— Тишина! — резко произнесла она, и все невольно вздрогнули.

Женщина решила представиться. На вид ей 34 года: чёрные, словно бездонные озёра, глаза, светло-русые волосы до лопаток, стройная фигура и высокий рост. На ней был классический белый топ, поверх которого — элегантный костюм: лёгкие брюки лавандового цвета и нараспашку пиджак такого же оттенка. Образ дополняли нежно-розовые туфли на шпильке и длинные белые серьги в форме клевера.

— Личные дела решайте за пределами этого здания, — её строгий взгляд скользнул по классу, заставляя каждого опустить глаза. — Здравствуйте, ребята. Давайте знакомиться. Меня зовут Анастасия Владимировна, и я рада вас приветствовать на уроке вокала.

Я внимательно слушал преподавателя, но краем глаза неотрывно следил за покрасневшей Аней — её щёки пылали, а взгляд то и дело ускользал, будто она пыталась спрятаться от моих глаз. Другим глазом я поглядывал на брата. Ухмыльнувшись, я одарил его своей фирменной улыбкой —

той самой, от которой у него всегда сжимались кулаки. В ответ он лишь стиснул зубы, а в его взгляде вспыхнула неприкрытая ревность. «Сочувствую тебе, братишка, но ты опоздал. Я уже занял все её мысли», — пронеслось у меня в голове. И будто в подтверждение моих мыслей, её взгляд скользнул по мне с едва уловимой искоркой — искоркой, от которой сердце забилося чаще.

Тем временем Анастасия Владимировна закончила рассказывать о предстоящих планах по вокалу.

— А теперь давайте вы.

— Константин Казанцев, — сухо представился Костя. На удивление сегодня он выглядел достаточно опрятно. Синие брюки в белую клетку идеально сидели на его талии, белая футболка гармонировала с наполированными чёрными туфлями в строгом стиле. Дополняли образ наручные часы, которые он так любил носить.

— Аня Денисова, — её голос звучал мягко, но уверенно. Девушка поправила юбку-солнце и укороченный приталенный топ на тонких бретелях. Дополняли образ белые туфли с открытым носом, а завершали серьги в форме полумесяца.

— А я Кирилл Казанцев, — я намеренно растянул гласные, наслаждаясь моментом. Сегодня мой стиль оказался, как нельзя кстати подходящим под наш урок. Наряд в стиле кэжуал был моим самым любимым. На мне была классическая белая рубашка, рукава которой я закатал, чёрные брюки в том же классическом стиле. Белые кроссовки на ногах

создавали баланс между строгостью и комфортом.

— Приятно познакомиться. Кирилл и Костя, вы братья?
— уточнила учительница, слегка наклонив голову.

— Да, — ответили мы одновременно, обменявшись мимолётными взглядами.

— Хорошо. В первую очередь мы с вами распоёмся, чтобы разогреть связки.

— Отличная идея! — подхватила Аня, её глаза загорелись, а на лице расцвела улыбка. — Я готова!

Мы с братом не сдержались и рассмеялись над её энтузиазмом.

— Мы тоже, — кивнул Костя, но в его улыбке читалась какая-то странная нежность, когда он смотрел на Аню.

— Тогда начнём с простого. Пропоём гамму, а затем перейдём к мелодии. Главное — чувствовать друг друга, слышать и поддерживать. Музыка — это диалог, а мы сегодня будем вести его вместе.

Мы начали распеваться. Первые ноты звучали неуверенно, словно робкие шаги в неизвестность, прощупывали пространство, искали свою гармонию. Аня, как всегда, взяла высокую ноту с поразительной лёгкостью — её голос, чистый и звонкий, разливался по кабинету, словно солнечный луч, проникающий сквозь тучи. Брат же в свою очередь пел хуже, чем медведь, проснувшийся после спячки — его голос то срывался, то звучал глухо, будто он сам стеснялся его. Я же старался брать вовремя дыхание, не сбиться с правильного

пути, но внутри всё сжималось от напряжения. Постепенно я входил в ритм, но ощущение, что вот-вот ошибусь, не отпускало.

— Держим дыхание. Костя, у тебя хорошо получается брать ноты первой октавы. Аня, а у тебя отлично выходит ноты второй октавы. Кирилл, а тебе нужно учиться, — спокойно, но твёрдо произнесла Анастасия Владимировна.

«Что?! Значит, у него хорошо получается, а мне надо учиться? Что это за занятия такие?» — внутри вскипела обида, смешанная с досадой.

— Стоп, подождите! То есть получается, мой брат хорошо поёт, а я плохо? — мой голос прозвучал резче, чем я ожидал, выдавая всю бурю эмоций.

Анастасия Владимировна остановила распевку, её взгляд стал мягче, но в нём читалась твёрдость.

— По поводу тебя я ничего плохого не сказала. Во-первых, ты пришёл сюда для того, чтобы научиться петь. Во-вторых, у тебя очень интересный тембр, который нужно развивать. В-третьих, у тебя есть слух, и это уже половина дела. Просто тебе нужно больше практики и правильные упражнения. Нельзя сравнивать себя с братом — у него, возможно, природный дар, а тебе нужно приложить больше усилий. Но это не значит, что ты не сможешь петь так же хорошо, а может, даже и лучше! Главное — желание и упорство. А теперь давайте попробуем ещё раз. Костя, давай первую октаву, Аня — малую, а ты, Кирилл, попробуй вме-

сте с Аней, но чуть тише, чтобы почувствовать, как звучит данная октава. И помни: главное — не бояться!

И мы снова начали петь. На самом деле мне давалось тяжелее, чем казалось. Горло саднило, в голове пульсировала одна мысль: «Не опозориться бы». Я старался не смотреть на Аню, чтобы не видеть её идеальную, льющуюся ноту — она пела так легко, словно дышала музыкой, а я будто пытался вытолкнуть из себя звук, как застрявший камень. Вдруг брат резко засмеялся, и преподаватель остановилась.

— Что такого смешного сейчас происходит, Костя? — я резко обернулся к нему, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Решил стать певцом, а неуклюжесть — твоё второе имя! — его смех звучал издевательски, будто он ждал этого момента.

— Костя! — строго одёрнула его учительница.

Он стиснул зубы, глядя на меня, а в его глазах вспыхнула злоба. В этот момент Анастасии Владимировне позвонили, и она вышла из кабинета, оставив нас наедине с нарастающим напряжением.

— А я смотрю, ты рот на замок так и не научился закрывать. Как обычно, — прошипел я, приближаясь к нему. — Знаешь, братишка, если бы ты на самом деле умел петь, то не пришёл бы на пробное занятие.

— Кто бы говорил! — его голос дрогнул от злости.

— А у тебя язык без костей, — тут же ответила Аня Косте,

её голос звучал холодно и резко.

— Ой, как страшно. Муха с комаром отлично спелись, — усмехнулся он, но в его смехе не было ни капли веселья.

Девушка одарила его злобным взглядом, её пальцы сжались в кулаки.

— Да ладно тебе, Ань, — я подмигнул ей, стараясь разрядить обстановку. — Он же просто пытается привлечь к себе внимание. Как обычно.

— А ты, значит, таким являешься! — Костя перевёл взгляд на меня, и в его глазах мелькнул вызов, словно он ждал момента, чтобы ударить побольнее. — Или просто любишь быть в центре скандала?

— Я люблю, когда всё, по справедливости, — ответил я, стараясь не выдать ухмылки, но внутри всё кипело. — А ты, братишка, как всегда, пытаешься казаться тем, кем не являешься.

— А ты, значит, знаешь, кто я такой? — он наклонил голову, и его губы растянулись в насмешливой улыбке, будто он готовил последний удар. — Может, расскажешь мне, кто я?

— Ты — тот, кто боится показать себя настоящего, — сказал я, чувствуя, как адреналин начинает бурлить в крови, а голос становится твёрже. — Ты прячешься за своими шутками и колкостями, потому что боишься, что если кто-то увидит тебя таким, какой ты есть на самом деле, то разочаруются. — Ого, какой ты у нас психолог, — мой брат рассмеялся,

но в его смехе не было веселья. — А может, ты сам боишься, что если я покажу себя настоящего, то ты поймёшь, что ты не такой уж и особенный!

— Я не боюсь, — ответил Костя, глядя мне прямо в глаза. Его голос звучал твёрдо, но в глубине зрачков я уловил тень неуверенности, будто он сам сомневался в своих словах.

— Это мы ещё посмотрим, — прошипел я, и мой голос, ставший тише, резанул, словно лезвие. В воздухе повисло напряжение — осязаемое, густое, будто перед грозой.

— Мы уже пожалели, что начали общаться с тобой, — тихо произнесла Аня. Её голос дрожал, а в глазах мелькнула искорка страха. Она невольно придвинулась ко мне, словно искала защиты в моей близости.

— Не бойся, Ань, — я положил руку ей на плечо, стараюсь передать ей свою уверенность. — Мы справимся со всем вместе.

Костя лишь презрительно фыркнул и отвернулся, но я знал: это ещё не конец. Это только начало. В его молчании читалась угроза, словно затаённый рык зверя перед прыжком.

— Ты думаешь, что твои слова имеют вес? — проговорил братишка, его голос стал тише, но от этого ещё более злобным. Он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию. — Думаешь, что можешь меня сломать? Ты ошибаешься. Я — не тот, кого можно сломать.

— Ты ломаешь только тех, кто тебе дорог, — парировал я,

чувствуя, как мои кулаки сжимаются, а в груди разгорается огонь негодования. — А мы этого не позволим.

— Кто бы говорил, — он снова рассмеялся, но на этот раз в его смехе прозвучала настоящая угроза, от которой по спине пробежал холодок. — Ты ещё не видел моей силы и не знаешь, на что я способен.

— Я видел достаточно, — сказал я, и в моих словах была непоколебимая уверенность. — Видел твою трусость, злобу и пустоту. И я знаю, что ты не сможешь победить. Потому что я с ней — одно целое.

Аня крепче сжала мою руку, и я почувствовал её поддержку, как тёплый поток, пробивающийся сквозь ледяной ветер противостояния. Братец посмотрел на нас, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление, но оно быстро сменилось прежней ненавистью — холодной, острой, как лезвие.

— Я ещё до тебя доберусь, — прошептал он, и его слова повисли в воздухе, как предвестие бури, от которой не спрятаться.

— Тишина! — голос учителя прозвучал как гром среди ясного неба, заставляя всех вздрогнуть и замолчать. Анастасия Владимировна стояла в дверях, её лицо было строгим, а глаза метали молнии. — Как вы вообще собираетесь петь, если не можете помолчать? Пока меня не было, вы потратили десять драгоценных минут на болтовню! А могли бы распеваться! Если это будет продолжаться, я просто уйду от вас.

У нас осталось всего пятнадцать минут на последнее упражнение. Сейчас каждый из вас не просто поёт — мы пропеваем букву «а».

На этом урок закончился. Мы попрощались с преподавателем, и Анастасия Владимировна вышла из кабинета. Я, не удержавшись, толкнул брата плечом — легко, но с явным вызовом.

— Эй! Поаккуратнее, горилла! Не загораживай дорогу, — возмутился Костя, резко отстраняясь. В его глазах вспыхнула злость, но я лишь ухмыльнулся.

— Что такое? Не нравится, когда я тебя касаюсь? — мой голос звучал насмешливо, но внутри всё кипело.

— Парни, хватит! Вы не слышали, что учительница сказала вам сегодня? Ведите себя прилично! — воскликнула Аня, её голос дрожал от раздражения. Она посмотрела на меня, и в её глазах я увидел нечто неожиданное. — Кирилл, я не хочу с тобой встречаться!

Её слова ударили, словно пощёчина. Костя, стоявший рядом, не смог сдержать улыбки — в ней было столько злорадства, что мне захотелось стереть её одним ударом.

— Что ты такое говоришь? Мы же друг другу понравились, — я положил руку на плечо Анюты, пытаюсь удержать её взгляд. — Что ты улыбаешься? Напомню тебе, что сегодня иду с этой красоткой на романтический вечер. Так что ты в пролёте, Костюшка. Как и всегда, — мои слова звучали уверенно, но внутри всё сжималось от тревоги.

Он продолжал испепелять нас взглядом, словно пытаясь прожечь дыру в моей самоуверенности.

— Хочу и улыбаюсь. Не твоего ума дело. Знаешь, что, — начал он и выдохнул, будто собирался с силами. — Мой братец ещё тот бабник, так что берегись его. Если он тебе сердечко разобьёт, ты потом не беги и не плачься никому в плечо.

Девушка с минуту помолчала, её глаза потемнели от гнева, а губы сжались в тонкую линию. Затем она выдала ему ответ — холодно, чётко, без тени сомнения:

— Я поняла одно: ты считаешь, что мир крутится только вокруг тебя. И то, как ты сказал, должно случиться. Но этого никогда не будет. Таков закон природы в жизни. Вселенная не подчиняется приказам одного человека, даже если этот человек искренне верит в свою исключительность. Пока ты не примешь эту простую истину, будешь вечно биться головой о стену, которую сам же и воздвиг. И не строй крутого мачо. Это сейчас не модно.

Костя рассмеялся — громко, почти истерично, но в его смехе не было ни капли веселья.

— Что смешного? — спросила Аня, её голос звучал твёрдо, но в нём проскальзывала лёгкая дрожь.

— Ничего. Я не считаю, что мир крутится вокруг меня, и я не строю из себя крутого. Ты мне просто понравилась, и всё. И я предупредил тебя по поводу своего брата.

Мой братец резко толкнул меня в сторону, едва не сбив

с ног.

— Костя! — возмущённо воскликнула Денисова, её глаза вспыхнули гневом.

— За слово «понравится» ответишь ещё. Я тебя предупредил, — бросил он, одарив меня недобрым взглядом, и ушёл на третий этаж.

Я стоял, чувствуя, как внутри бушует ураган эмоций — злость, растерянность, обида. Но рядом была Аня, и её присутствие словно гасило пламя, оставляя лишь тлеющие угли.

Решив не медлить, я взял её за руку и направился к выходу. Мы шли по улице, и я украдкой поглядывал на неё. Она невольно краснела, её пальцы слегка дрожали в моей ладони. Вечерний ветер играл с её волосами, а закатные лучи придавали её лицу тёплое, почти волшебное сияние.

В её глазах читалась смесь растерянности и любопытства, будто она пыталась разгадать, что ждёт нас дальше. А я пытался понять, как всё могло так резко измениться за считанные минуты.

— Извини за мою напористость, но ты мне понравилась. Поэтому я и решил сразу действовать. Надеюсь, ты привыкнешь ко мне и к моим выходкам. Я привык сразу действовать по отношению к девушке.

Я внимательно следил за её реакцией. Милая, красивая девушка с которой можно переспать на один раз. Если представить её своей девушкой, то, пожалуй, она мне не совсем подходит.

Аня помедлила с ответом. В её глазах читалась растерянность — было видно, что она ошеломлена моей прямоотой. Пауза затянулась, и я уже начал сомневаться, не перегнул ли палку. В груди неприятно заныло от тревоги: вдруг она сейчас развернётся и уйдёт?

— Всё хорошо, — наконец выдавила она из себя тихо, но твёрдо. В её голосе прозвучала едва уловимая дрожь, но вместе с тем — решимость не отступить.

— Но я готов ответить на любой твой вопрос, — поспешил добавить я, стараясь сгладить неловкость.

— Это был твой брат? Расскажи, пожалуйста, что у вас произошло? Почему у вас такой разлад? — в её голосе звучало искреннее любопытство, без тени осуждения. Она слегка наклонила голову, словно пытаюсь разглядеть в моих глазах правду.

— Да, ты правильно поняла. Это мой младший брат, Константин. Ему 19 лет. Мы с ним не то, чтобы не ладим — скорее, постоянно соперничаем. Как кошка с собакой. Были, конечно, времена, когда мы не цапались так сильно, но, наверное, возраст вносит свои коррективы. Может, тебе покажется глупым, что между братьями такие разногласия, но что поделать — так сложилась судьба, — я выдохнул, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

— Нет, что ты! Я так не думаю. Наоборот, считаю, что конфликты между братьями — это нормально, в порядке вещей. Если честно, я не ожидала, что вы с ним братья, —

её взгляд стал теплее, а в голосе появилась искренняя заинтересованность. В уголках губ заиграла лёгкая улыбка, и я невольно расслабился.

— Наверное.

— А почему Костя сказал, что ты бабник? — вопрос прозвучал прямо, но без агрессии. Её глаза внимательно изучали моё лицо, словно пытаясь прочесть скрытые мысли.

— Если честно, это первое, что ему в голову пришло. Не обращай на него внимания, — я улыбнулся, надеясь, что моя улыбка выглядит непринуждённо. Внутри же бушевала смесь раздражения и смущения — не хотелось, чтобы она поверила в эти нелепые обвинения.

— А, ясно. Может, в кафешку сходим? Предлагаю в «Империю вкуса». Там неплохо готовят, — предложила она, и в её глазах заиграли искорки надежды. Она слегка прикусила нижнюю губу, будто сомневаясь, понравится ли мне её идея.

— Давай, я согласен, — ответил я, чувствуя, как напряжение понемногу отступает. В груди разлилось приятное тепло — кажется, лёд тронулся.

Добравшись до кафе, мы вошли в просторный зал. Столиков было много — на любой вкус. Я заметил один у большого окна и предложил там сесть. Тут же к нам подбежала официантка с меню. Не раздумывая, я выбрал пасту. Аня остановилась на запечённой рыбе с картошкой фри. Девушка сообщила, что заказ будет готов через 20 минут.

— Предлагаю поиграть в «вопрос-ответ», чтобы

скоротать время.

Мои пальцы нервно постукивали по столу — я всё ещё не мог до конца успокоиться.

— Давай. Начинай ты, — согласилась она, и её улыбка согрела меня. В этот момент мне показалось, что мир стал чуть ярче.

— Есть ли у тебя мечта? — спросил я, задумчиво глядя на неё. В её глазах отражался мягкий свет лампы, и это делало её ещё прекраснее.

— Конечно, мечтаю стать профессиональной певицей, — с улыбкой ответила девушка. Её голос звучал уверенно, а глаза загорелись особым огнём. — А ты?

— У меня такая же мечта, как у тебя, — признался я, и в этот момент почувствовал неожиданную близость. Наши взгляды встретились, и на секунду мне показалось, что мы понимаем друг друга без слов. — Твой любимый цвет?

— Фиолетовый и чёрный.

— А мой — красный и синий. Какое твоё любимое животное?

— У меня хамелеон. А у тебя?

— Собака хаски.

Через 20 минут нам принесли нашу еду. Мы спокойно поели в тихой, приятной обстановке. Я расплатился по счёту, и, выйдя на улицу, предложил:

— Как насчёт прогуляться, а потом пойти ко мне?

Знаю, может, я тороплю события, но просто хотел пока-

зять тебе свою квартиру и немного познакомить с моим миром. У меня дома живёт как раз живёт хаски Микки. Может, вы даже подружитесь, — произнёс я с тёплой улыбкой, хотя в голове крутились совсем другие мысли: «После такого счёта ты просто обязана со мной переспать. Да и, честно как я ранее говорил эта дама не в моём вкусе...» Внутри меня бушевала буря противоречивых эмоций — от искреннего желания поделиться своим миром до смутного беспокойства.

— Давай, я не против. А то вечером одной бывает скучно. Ты мне хоть компанию составишь, — ответила Аня с лёгкой улыбкой. Её голос звучал мягко, почти нежно, и это заставило моё сердце биться чаще.

После короткой прогулки мы направились ко мне домой. В голове роились тревожные мысли: «Денисова могла испугаться моих неожиданных действий — ведь до меня у неё никого не было». Я сжал кулаки, пытаюсь унять непонятное волнение. Решил быть осторожнее и ласковее — а там как пойдёт.

Мы быстро дошли до моего дома. Моя квартира находилась на втором этаже. Как только мы вошли, девушка сразу обратила внимание на мою любимую собаку. Микки прибежал, обнюхал её и одобрительно зашевелил хвостом. Я с улыбкой наблюдал за этим, но внутри меня разгоралось всё более настойчивое желание. В груди тяжело стучало сердце, а ладони снова стали не много влажными от волнения.

— Проходи в комнату, посмотришься, — предложил я, стара-

ясь сохранять спокойствие. Внутри же всё дрожало от нетерпения — словно натянутая до предела струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Пока она рассматривала мою коллекцию статуэток героев Marvel, моё нетерпение нарастало лавинообразно. Мысли путались в хаотичный клубок, сердце билось так часто, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. В висках стучало: «Сейчас или никогда». Наконец, не в силах больше сдерживаться, я нежно взял её за руку и резко развернул её к себе. В её глазах вспыхнуло удивление — чистое, неподдельное, с лёгкой искрой растерянности.

Опустив руки на её талию, я не удержался и страстно поцеловал её в губы. Они оказались даже слаще, чем я представлял — мягкие, податливые, словно тающие под моим прикосновением. Всё произошло быстро, словно в тумане: ощущения слились в единый вихрь, где не было ни прошлого, ни будущего — только этот миг, только её дыхание, смешивающееся с моим.

На следующее утро, глядя на спящую рядом девушку, я почувствовал странное опустошение — как после бурного праздника, когда гаснут огни и остаётся лишь тишина. «Ещё одна в мою копилку. Бинго!» — мысленно констатировал я, а в душе было радостно и удовлетворительно. Почему так? Потому что я её использовал и у меня нет никаких чувств к ней.

Я мало что могу рассказать об Ане — в тот момент моё

внимание целиком поглотила другая девушка. Её звали Эвелина Дмитриева и ей было 19 лет. Я познакомился с ней в *апреле 2015 года*.

Помню наш первый взгляд — тот самый, от которого замирает сердце, а время словно останавливается. Эва стояла на сцене небольшого ресторана в своём изысканном наряде, залитая мягким светом софитов. На девушке было пончо свободного кроя, подчёркнутое поясом на талии. Образ дополняли чёрные леггинсы, идеально облегающие фигуру, а её чёрные сапоги, придавали наряду элегантность и лаконичность. Длинные чёрные волосы с розовыми прядями струились по плечам, словно шёлковый водопад, карие глаза светились изнутри таинственным огнём, а голос проникал в самое сердце, обволакивая и завораживая. Она пела «Девочку на миллион», и в каждом слове звучала такая искренность, что я забыл, как дышать.

Именно в тот миг мир словно сузился до одной точки — до неё, до её голоса, до этого невероятного сочетания дерзости и нежности. Я понял: нельзя упустить шанс узнать её ближе.

С тех пор я стал постоянным гостем её выступлений. Сначала просто слушал, затаив дыхание, впитывая каждую ноту и взгляд. Потом осмелел — подошёл после концерта в своём таком простецком костюме. Белые кроссовки создавали идеальное впечатление делая такой образ более свободным. Наш первый разговор получился неловким, сбивчивым, но в

нём уже было что-то настоящее, живое,
словно искра, готовая разгореться в пламя.

Мы начали встречаться чаще. Каждый раз, когда мы с ней виделись от неё, исходил восхитительный аромат с нотками личи и малины. А потом мы говорили обо всём на свете — о музыке, жизни и мечтах. Дмитриева оказалась не просто красивой куколкой певицей: за её яркой внешностью скрывался острый ум, тонкое чувство юмора и невероятная страсть к творчеству. Она заражала своим энтузиазмом — рядом с ней я сам начал смотреть на мир иначе, словно увидел его в новых, ярких красках.

Наша общая любовь к музыке быстро переросла в сотрудничество. Мы провели бесчисленные часы в студии, экспериментируя со звуками, подбирая слова, создавая что-то новое. В воздухе витала магия творчества — мы дышали и жили ею. Однажды родилось то, что позже стало нашим первым совместным треком. Публика приняла его на ура — нам даже начали предлагать выступления в других городах. Но я уже был связан с родной студией, а Эвелина просто хотела творить, не гонясь за славой.

Самым неожиданным для меня стал её первый шаг — именно Эвелина предложила встретиться вне музыкальных проектов. Её смелость и независимость покоряли: она не ждала, пока мужчина проявит инициативу, а сама создавала моменты, которые потом вспоминались как маленькие чудеса.

Одним из таких чудес стало наше свидание в спа-салоне. Тогда девушка заранее купила абонемент на двоих, продумав каждую деталь до мелочей. Мы погрузились в атмосферу абсолютного расслабления: тёплая бочка, аромат клубничного скраба, мягкий свет и тихая музыка создавали ощущение, будто мы попали в другой мир, где нет суеты и тревог.

Пока мы сидели в бочке, разговоры текли легко, непринуждённо — о семье, детстве и о том, что делает нас теми, кто мы есть. Слова лились рекой, обнажая души, снимая невидимые барьеры. Потом были часовые массажи с горячими камнями — две опытные массажистки работали в унисон, снимая наше напряжение, а мы просто закрывали глаза, наслаждаясь покоем, который проникал в каждую клеточку нашего тела.

Кульминацией вечера стал бокал шампанского. Я поднял его, глядя в её глаза — в них отражались огоньки свечей, превращая карие радужки в два таинственных озера, где плясали золотые блики, словно далёкие звёзды в ночной глади.

— За нас, наш момент и то, что мы нашли друг друга, — произнёс я, чувствуя, как слова наполняются особым смыслом.

Она улыбнулась — тихо, почти неслышно, но в этой улыбке было столько тепла, что внутри всё сжалось от нежности. Бокал в её руке едва заметно дрогнул, поймав очередной блик свечи, и на мгновение мне показалось, что время

остановилось.

Мы медленно опустили бокалы, не разрывая взгляда. В воздухе всё ещё витал аромат клубники и тёплого дерева, а где-то вдали, едва уловимо, звучала мелодия, которую мы оба, кажется, давно забыли. Но она была здесь — в ритме наших дыханий, в лёгком прикосновении пальцев, когда мы случайно соприкоснулись, ставя бокалы на столик.

— Знаешь, — тихо сказала она, чуть наклонив голову, — я никогда не думала, что можно чувствовать себя настолько счастливой. Даже когда вокруг всё

непривычное, когда мы где-то далеко от повседневной суеты.

Я кивнул, не находя слов, но понимая её абсолютно. Это было не просто свидание — это было открытие. Открытие того, что рядом с ней даже тишина становится разговором, а каждое прикосновение — признанием.

Мы снова замолчали, но молчание это было живым, наполненным. Я взял её руку в свою — тёплую, чуть влажную после процедур, и почувствовал, как её пальцы мягко сжали мои. В этом жесте не было ничего нарочитого, только чистое, безоговорочное «я здесь, я с тобой».

Я медленно наклонился к ней — едва уловимое движение, будто боялся спугнуть хрупкую магию момента. Её глаза на миг прикрылись, а дыхание, тёплое и чуть прерывистое, коснулось моих губ.

И тогда я поцеловал её. Сначала — невесомо, словно про-

бовал на вкус первое прикосновение, проверял, насколько реальна эта секунда. Её губы оказались мягче, чем я представлял: тёплые, чуть влажные от шампанского, с лёгким привкусом клубничного скраба, который мы использовали раньше. Я почувствовал, как её пальцы на моей руке дрогнули, а потом крепче сжали кожу, будто ища опоры.

Я углубил поцелуй — медленно, осторожно, давая ей время привыкнуть к новому ритму. Её губы раскрылись навстречу, и это было как открытие тайного прохода в мир, где не существовало ничего, кроме нас двоих. Время растворилось в тепле её дыхания, в лёгком трепете ресниц, которые касались моей щеки, когда я на мгновение отстранялся, чтобы снова вернуться к ней.

Моя рука сама нашла её затылок — осторожно, почти благоговейно. Я провёл пальцами по мягким прядям волос, ощущая, как они скользят между пальцами, как будто пытаюсь удержать этот миг навсегда. Её ладонь легла на мою щеку, тёплая и уверенная, и я почувствовал, как внутри всё перевернулось от этой простой, но такой значимой ласки.

Мы целовались так, будто учились друг у друга языку, которого раньше не знали. Каждое прикосновение было словом, каждый вздох — фразой, складывающейся в бессловесный диалог о том, что давно жило, между нами, но не имело формы. Я ощущал, как её сердце бьётся в унисон с моим — сначала робко, потом всё смелее, будто проверяло границы дозволенного.

Когда мы наконец отстранились, мир вокруг показался непривычно тихим. Только её глаза, теперь ещё более глубокие и тёмные, говорили больше, чем могли бы выразить слова. Я провёл пальцем по её нижней губе, всё ещё хранящей тепло моего поцелуя, и улыбнулся.

— Это... — начал я, но запнулся, потому что ни одно слово не могло вместить то, что я чувствовал.

Она приложила палец к моим губам, останавливая поток невысказанных фраз. И в этом жесте было всё: благодарность, обещание и признание.

Мы снова прижались друг к другу, на этот раз просто обнявшись, позволяя тишине сказать за нас то, для чего ещё не нашлось слов.

Когда мы вышли на улицу, город уже окутала мягкая вечерняя дымка. Звёзды мерцали над нами, будто одобряя наш маленький праздник. Мы шли молча, за ручку, и тишина между нами была не пустой, а наполненной — чувствами, мыслями, невысказанными словами, которые витали в воздухе, как невидимые нити, связывающие нас.

— Это самый лучший вечер в моей жизни, — тихо произнесла Дмитриева, глядя на небо, где россыпь звёзд казалась бесконечной.

Я сжал её руку чуть крепче, чувствуя, как внутри разливается тепло. В этот момент весь мир сузился до этой девушки — до её тёплого взгляда, лёгкого прикосновения, аромата волос, в котором смешались нотки клубничного скраба и

вечернего ветра.

— Знаешь, — начал я, подбирая слова, чувствуя, как сердце бьётся в такт с её дыханием, — раньше всё было поверхностно. Свидания ради свиданий, разговоры ни о чём. А с тобой... — я запнулся, осознавая, насколько искренне хочу это сказать, — всё иначе. Как будто я наконец нашёл то, что искал.

Эвелина остановилась и повернулась ко мне. Её глаза блеснули в свете уличных фонарей, отражая тысячи крошечных огней, словно в них зажглись собственные звёзды.

— Я тоже это чувствую и это пугает. Потому что не знаю, куда это приведёт, — её голос дрогнул, но в нём звучала неподдельная искренность.

— А зачем знать? — улыбнулся я, чувствуя, как в груди расцветает нежность. — Давай просто будем вместе здесь и сейчас.

— Давай.

Я не сразу нашёл, что ответить. Просто стоял, глядя в её глаза, и чувствовал, как внутри всё замирает от нежности. В этот момент не нужны были громкие слова или красивые фразы — всё говорило само за себя: лёгкое прикосновение её пальцев к моей ладони, тихий вздох, сорвавшийся с её губ, тёплый взгляд, в котором смешались и страх, и надежда, и робкая радость.

— Знаешь, — наконец произнёс я, медленно подбирая слова, словно боясь нарушить хрупкую гармонию момента,

— иногда самое важное — это просто быть рядом. Не строить планов, не пытаться предугадать будущее, а просто чувствовать, как бьётся сердце другого человека, слышать его дыхание, видеть, как меняется выражение лица от каждого твоего слова...

Эвелина чуть наклонила голову, будто прислушиваясь не только к моим словам, но и к тому, что звучало между ними. Её губы дрогнули в полуулыбке — той самой, которая всегда заставляла моё сердце биться чаще.

— Ты говоришь так, будто давно это обдумывал, — тихо заметила она, и в её голосе прозвучала лёгкая ирония, но без тени насмешки — скорее, как признание искренности моих слов.

— Может, и обдумывал, — признался я, слегка пожав плечами. — Просто раньше не находил повода сказать. А сейчас всё кажется таким правильным. Как будто мы наконец-то попали туда, где должны быть.

Она не ответила сразу. Вместо этого сделала шаг ближе, так, что между нами осталось лишь несколько сантиметров. Я

почувствовал тепло её тела, уловил едва заметный аромат её волос — смесь клубничного скраба и ночного воздуха, пропитанного свежестью.

— А если это иллюзия? — прошептала она, и в её глазах мелькнула тень сомнения. — Если завтра всё изменится, и мы поймём, что ошиблись?

Я медленно поднял руку и осторожно коснулся её щеки. Её кожа была тёплой, чуть бархатистой на ощупь. Этот простой жест будто снял последние барьеры

— она прикрыла глаза, на мгновение прильнув к моей ладони.

— Даже если это иллюзия, — тихо ответил я, — она прекрасна. И если нам суждено проснуться, то пусть это случится не сегодня. Пусть сегодня будет тем самым «здесь и сейчас», о котором мы говорили.

Эвелина открыла глаза. В них больше не было сомнений — только тихая, но твёрдая уверенность. Она медленно подняла руку и накрыла мою ладонь своей, словно закрепляя наш договор.

— Хорошо, — сказала она, и её голос звучал так спокойно, будто она только что приняла самое важное решение в жизни. — Сегодня — только мы, этот вечер и звёзды над нами.

Мы снова пошли вперёд, теперь уже не спеша, будто боясь разорвать эту тонкую нить, связавшую нас в этот миг. Город вокруг продолжал жить своей жизнью: где-то вдалеке слышались голоса, мерцали огни витрин, проезжали машины. Но для нас существовал только этот узкий кусочек тротуара, только тепло её руки в моей, и тихое дыхание, сливающееся в единый ритм. Над нами по-прежнему мерцали звёзды — молчаливые свидетели нашего маленького чуда. И в этот момент мне казалось, что весь мир остановился, чтобы дать

нам возможность насладиться этим мгновением,
таким простым и таким бесценным.

5 ГЛАВА

Аня

Июль 2015 год

Пока лежала на своей кровати в голубой пижаме с сердечками (майка и шорты), я чувствовала, как мысли, подобно разгорячённым мотылькам, бились в голове, снова и снова возвращаясь к двум парням. Оба — невероятно притягательные, но такие разные, что от одной мысли о них внутри всё сжималось в тугой узел противоречий.

Кирилл как вспышка молнии в ясном небе — внезапный, ослепительный, будоражащий. В нём столько энергии и драйва, что даже на расстоянии чувствуешь, как от него исходит жар. Да, он явно строит из себя крутого, играет в такого непокорного героя, но в этом есть своя магия. Его дерзкая улыбка, чуть приподнятый уголок рта, взгляд, в котором пляшут бесенята — всё это заставляет сердце биться чаще, а ладони потеть от волнения. Он — вечный двигатель, вокруг которого всё вращается, который может, одним словом, превратить хмурый день в праздник. Но вместе с тем — это постоянные качели: смех до колик в животе и тут же нервы на пределе.

А Костя другой. Такой человек, который может полезть на рожон и попытаться перетянуть внимание на себя. Прямо

как тихий рассвет после бурной ночи. В его спокойствии нет равнодушия — напротив, в нём скрыта удивительная сила. Даже когда воздух накаляется до предела, он ищет мирный путь, старается сгладить углы, не разрушая, а соединяя. В его тихом обаянии есть что-то гипнотическое: он умеет слушать так, что ты чувствуешь себя единственной и самой важной на свете. Умеет поддержать одним взглядом и едва заметным кивком. С ним уютно, надёжно, безопасно. Но иногда мне кажется, что эта надёжность слишком ровная. В ней нет той искры, того сумасшедшего заряда, который так манит меня в его брате.

Я закрыла глаза, и перед внутренним взором вновь возникла та сцена несколько дней назад. Кирилл, не стесняясь, целует меня прямо при Косте — и всё это в тот момент, когда мы должны были знакомиться! Воспоминания нахлынули волной, окутывая меня запахом его парфюма, ощущением горячих губ и шоком от происходящего.

В памяти ярко проступили детали:

Кирилл — с этой своей фирменной ухмылкой, от которой у меня внутри всё переворачивается, с взглядом, полным вызова и азарта; Костя — который даже в этой неловкой, почти невыносимой ситуации пытается сохранить спокойствие, но в его глазах мелькает что-то неуловимое, глубокое, будто он прячет за маской безразличия целый океан чувств.

Я никак не могла разобраться в себе. Кто из них мне ближе? Кирилл будоражит кровь, заставляет сердце колотиться

как безумное, дарит ощущение, что ты живёшь на полную катушку. Но с ним вечно какие-то приключения — весёлые, яркие, но выматывающие, как марафон без финиша. А Костя... Честно с ним тепло, уютно и спокойно. Можно просто быть, не играя никаких ролей. Но иногда мне кажется, что этой надёжности слишком много — она словно приглушает тот самый огонь, который так манит меня в его брате.

В памяти всплыл их недавний диалог — острый, колкий, полный взаимных подколов, но в то же время пронизанный странной, почти болезненной привязанностью:

— Какая честь! Сам Константин Казанцев почтил нас своим присутствием на пробном занятии. Знал, знал, что ты не упустишь такой возможности.

— А ты, дорогой братец, всё тот же: как был занозой в заднице, так ею и остался.

— Так вы знакомы?

— Ты всё верно уловила. Это мой драгоценный младший братишка, который без моей мудрой руки и шагу ступить не может.

— Смотрю, у кого-то язык по-прежнему острее бритвы, раз не может замолчать хотя бы на мгновение.

— Я-то как раз могу помолчать, в отличие от тебя, неугомонного болтуна.

— Мальчики, прошу вас, давайте прекратим эту бессмысленную перепалку.

— А ты хоть знаешь имя этой прелестной леди, стоящей

рядом с тобой?

— Мы столкнулись всего пару минут назад. Маловероятно, что мы успели обменяться именами.

— Таких, как ты, давно уже никто не запоминает. Просто смирись с этим. Такова твоя участь.

Я всё ещё пребывала в водовороте этих противоречивых чувств, когда в комнату бесшумно вошла любимая мамочка, которую звали Дарина Денисова. На ней был розовый шёлковый костюм: майка, широкие брюки свободного кроя и длинный халат-кимоно. Её мягкий, заботливый голос вырвал меня из хаоса мыслей:

— Доченька, ты кушать будешь?

Я медленно перевела взгляд на неё, чувствуя, как тяжело поднимаются веки. Молча помотала головой, пытаюсь собраться.

— Нет, я не голодна.

Мама внимательно посмотрела на меня, и в её глазах вспыхнула тревога — та самая, которую я знаю с детства, когда она могла одним взглядом понять, что со мной что-то не так.

— Всё хорошо? Ты какая-то бледная.

Я попыталась улыбнуться, чтобы её успокоить, но улыбка получилась жалкой, натянутой.

— Да, у меня всё хорошо, не переживай.

Но мама не уходила. Она подошла ближе, и её взгляд стал ещё более обеспокоенным, почти пронзительным. Осторож-

но коснулась моей щеки тыльной стороной ладони.

Я замерла, чувствуя её прохладные пальцы, которые словно сканировали моё состояние.

— Ты не заболела, милая? Может, чай с малиной сделать? Или просто поспишь немного? — в голосе Дарины звучала такая искренняя, тёплая забота, что на мгновение мне захотелось выложить ей всё без утайки — про Кирилла и Костю, про этот безумный водоворот чувств, который разрывает меня изнутри на тысячи осколков.

Но слова застряли в горле, словно колючий ком. Я лишь слабо улыбнулась, машинально покачав головой:

— Нет, правда. Всё в порядке. Просто знаешь, иногда так бывает, когда много всего в голове крутится. Мысли всякие.

Я старалась говорить ровно, но внутри всё сжималось от невысказанного — как будто я держала в руках хрупкую бабочку, боясь раздавить её неосторожным движением. Мама, конечно, видела, что я что-то скрываю, но не настаивала. Она всегда так — тонко чувствует грань, когда нужно быть рядом, но не давить. В этом её особая мудрость.

— Ну хорошо, если так. А как твои занятия в студии? Расскажешь? — мягко сменила она тему.

Я выдохнула с облегчением, благодарная ей за эту деликатность, за умение дать пространство, не задавая лишних вопросов.

— Ой, там столько всего! — я постаралась звучать как можно более восторженно, вкладывая в голос всю ту радость,

которую действительно испытывала. — Познакомились все между собой. Впервые распевки делали. Мы сейчас как раз работаем над песнями. Каждый выбрал себе одну, и будет её исполнять.

— О, это интересно! А ты какую выбрала? Что-то новое из репертуара? — мама улыбнулась, и в её глазах мелькнул тот самый огонёк, который появлялся, когда она говорила о музыке. Этот свет я помню с детства — он всегда согревал меня.

— Я выбрала ту, которую мы с тобой, когда-то слушали. Помнишь, «Формула счастья»? — я начала напевать мелодию, и голос сам потянулся к высоким нотам, словно пытаюсь выразить то, для чего не хватало слов.

— Помню, помню! — мамуля подхватила мелодию, и её голос, хоть и немного приглушённый годами, всё равно звучал так же чисто и звонко, как в мои детские годы. — Как же я её любила! И ты её так здорово пела, когда была маленькая. Всё время просила поставить.

— Вот и я решила её спеть, — ответила я с улыбкой, чувствуя, как внутри разливается тёплое, почти светящееся чувство. — Мне кажется, она очень подходит к тому, что я сейчас чувствую. Такая светлая, несмотря ни на что. Как будто в ней есть ответ на все вопросы.

— Это прекрасно, доченька, — мама мягко коснулась моей руки, и от этого простого прикосновения на душе стало легче. — Музыка — она ведь вдохновляет нас. Может исце-

лить, и напомнить о самом важном. Ты только не забывай об этом. И если что-то будет не так, ты всегда можешь поговорить со мной. В любой момент.

Её слова, такие простые и в то же время глубокие, растопили последний лёд внутри. Я почувствовала, как сдерживаемые эмоции готовы вырваться наружу.

— Мам, я хочу рассказать тебе об одном важном моменте. Помнишь я начала говорить о том, что там знакомились. Так вот я познакомилась с двумя парнями, оказавшимися братьями. Старшего зовут Кирилл, ему 21 год, а младшего — Константин, ему 19.

— О, мальчики! Это интересненько, — Дарина улыбнулась, её глаза заблестели, словно она уже представляла какую-то романтическую историю. — И как они тебе? Обаятельные, наверное?

Я резко покраснела от её слов — щёки вспыхнули, будто их коснулся огонь.

— Знаешь, они оба такие невероятные... Но больше всего мне понравился Кирилл. С ним интересно разговаривать на любые темы — он как будто видит меня насквозь. У него очень глубокий взгляд, как будто можно утонуть. А ещё он тоже поёт. Боже, какой у него голос! Он берёт такие ноты, что у меня внутри всё замирает.

Мама слушала меня с неподдельным интересом, её улыбка становилась всё шире, а в глазах читалось тихое, тёплое одобрение.

— Такое чувство, будто ты в старшего влюбилась по уши,
— мягко подметила она.

— Ну мамуль, дело не в этом, — я смущённо потупила взгляд, чувствуя, как сердце колотится, где-то в горле.

— Хорошо, хорошо. А младший? Он тоже чем-то тебя привлёк? — поинтересовалась она с лёгкой, почти незаметной ехидной улыбкой, словно поддразнивая меня.

— Костя тоже хороший, очень весёлый и забавный. С ним легко, он умеет рассмешить даже в самый хмурый день. Но Кирилл совсем другой. Как будто понимает меня без слов. Мы можем часами говорить обо всём на свете, и мне никогда не бывает скучно.

Я почувствовала, как мои щёки снова заливают краска. Это было так непривычно, так волнительно — впервые за долгое время я чувствовала себя по-настоящему живой, словно внутри меня зажглась маленькая звезда.

— Понимаю, — мама кивнула, её взгляд стал мягче, теплее, будто она видела меня насквозь, но без осуждения, только с любовью. — Это такое прекрасное чувство, когда встречаешь человека, с которым тебе легко и интересно. Когда кажется, что вы знаете друг друга целую вечность.

— Да, именно так! — я восторженно кивнула, и слова полились сами собой, словно я наконец нашла выход для эмоций, копившихся внутри. — Я даже не ожидала, что такое может случиться. Думала, что всё это только в книжках и фильмах бывает. А тут как будто мир стал ярче.

— Вот видишь, доченька, жизнь полна сюрпризов, — женщина снова коснулась моей руки, и я почувствовала, как её тепло передаётся мне. — Главное — будь собой. И слушай своё сердце. Оно редко ошибается. А если эти двое тебе дороги, то я рада за тебя. И если тебе вдруг захочется рассказать о них побольше, я всегда готова выслушать. В любое время, помнишь?

Я посмотрела на маму, и в груди разлилось такое тёплое, глубокое чувство, что глаза невольно наполнились слезами. Её поддержка была для меня бесценна — как якорь в бушующем море эмоций.

— Спасибо, мамуль. Ты самая лучшая на свете.

— А ты у меня самая любимая, — Дарина улыбнулась, и в её глазах я увидела отражение своей собственной радости, своего внутреннего света.

— Знаешь, — я вдруг замаялась, подбирая слова, чтобы передать то, что так трудно описать, — у Кирилла есть такая особенность, что, когда он смеётся, его глаза светятся. Как будто в них зажигаются маленькие звёзды. Он смотрит на меня, и мне кажется, что весь мир вокруг замирает. Время останавливается, и есть только этот момент, только его взгляд.

Мама тихо рассмеялась — нежно, тепло, без тени насмешки. В её смехе было столько понимания, тихой мудрости, что у меня сжалось сердце.

— Ты так его описываешь, будто он какой-то волшебный

принц из сказки, — произнесла она, ласково поправив прядь волос, упавшую мне на лицо.

От этого простого прикосновения по спине пробежала волна тепла. Мне вдруг отчаянно захотелось прижаться к маме, ощутить её объятия и остаться так навсегда — в этом островке безопасности, где все тревоги растворяются без следа.

— Ну, может, и так, — пожалала я плечами, чувствуя, как губы сами растягиваются в глупую, счастливую улыбку. — Только не из тех, что сидят на троне и торжественно надевают корону. Он скорее, как тот, кто идёт в бой с драконами, но при этом ещё успевает подарить тебе цветок. С ним всё кажется

возможным.

— Ого, — мамочка слегка приподняла бровь, и в её глазах заплясали весёлые искорки. — А Константин? Что скажешь о нём?

Я невольно рассмеялась, живо представив Костю:

— Нет. Он совсем другой. Скорее тот, кто может тебя защитить. С ним спокойно, надёжно, но с Кириллом чувствую себя так, будто наконец-то перестала быть одна. Как будто он видит то, что скрыто глубоко внутри, и это не пугает его.

Дарина долго смотрела на меня — не спеша, внимательно, словно пыталась прочесть каждую мысль, каждое неуловимое чувство. Потом мягко, почти шёпотом, сказала:

— Доченька, когда встречаешь человека то, кажется, что он знает тебя лучше, чем ты сама. И это пугает саму тебя.

Сердце начинает биться чаще, мысли путаются, и ты не знаешь, куда бежать. Но если ты чувствуешь, что с ним тебе хорошо, если он делает тебя счастливее, чем ты была, когда-либо. Может быть, стоит довериться этому чувству? Не загонять его вглубь, а позволить ему расцвести.

Я кивнула. В груди словно распустился тёплый, светящийся цветок. Его лепестки нежно касались сердца, наполняя его тихим, радостным трепетом.

— Ты права, мам. Я думаю, что хочу попробовать. Хочу дать этому шанс.

— Знаешь, твой папа тоже был скромным парнишкой, — неожиданно улыбнулась она, и её взгляд уплыл куда-то вдаль, в прошлое. — Он боялся со мной заговорить, боялся подойти. Всё ходил вокруг да около, словно боялся спугнуть.

— Правда? — я удивлённо распахнула глаза. Мне всегда казалось, что папа — уверенный в себе, решительный мужчина, который всегда знает, что сказать и как поступить.

Моя любимая мама рассмеялась — тихо, тепло, вспоминая что-то своё:

— Ох, да. Я и твой папа тоже учились вместе в университете на актерском мастерстве. Он обратил внимание на меня сразу же. Долго ходил вокруг да около, прежде чем пригласить меня на свидание. А когда наконец решился... — Дарина сделала паузу, и в её голосе зазвучали ласковые, чуть насмешливые нотки, — он так сильно нервничал, что перепутал все слова. Вместо «пойдём в кино» ска-

зал, что-то вроде «кино пойдём в тебя».

Я не удержалась и расхохоталась, представив эту картину. Мой папа — обычно такой собранный, как мне казалось серьёзный — и вдруг такое!

— И что ты ему ответила? — спросила я, всё ещё улыбаясь.

— Я рассмеялась, конечно. И сказала, что в кино пойду с удовольствием, — мама взяла мою руку в свою, её пальцы были тёплыми и нежными. — И знаешь, это было лучшее «кино пойдём в тебя» в моей жизни. Главное, чтобы за неловкими словами и неуклюжими поступками скрывалось настоящее, искреннее чувство. Не бойся быть смешной, уязвимой и несовершенной. Просто будь собой. И если Кирилл действительно тот самый, он это увидит и оценит.

Я крепко сжала мамину руку, чувствуя, как её слова проникают вглубь, словно живительная влага в пересохшую землю. Они были как глоток свежего воздуха, как свет в конце тёмного коридора.

— И всё же мне кажется, что Константин больше похож на твоего отца, — задумчиво произнесла моя мама, сама не зная, почему это вдруг пришло ей в голову.

— Мам, — начала я, слегка возмущённо, но она мягко перебила меня.

— Тебе стоит прислушаться к моим словам. Ты ведь не знаешь, как это было. Костя может показаться уверенным, сильным, но у него тоже есть свои страхи и сомнения. Все

мы, даже самые сильные, иногда прячем свои уязвимости за маской уверенности. В этом нет ничего постыдного.

— Может, ты и права, — признала я, чувствуя, как внутри что-то медленно поворачивается, открывая новую грань понимания. — Но иногда мне кажется, что он слишком идеален. Как будто у него нет недостатков.

— Идеальных людей не существует, — сказала женщина, слегка покачав головой. В её голосе звучала такая уверенность, глубокая мудрость, что я невольно прислушалась. — Каждый из нас имеет свои слабости. Важно не то, как мы выглядим снаружи, а то, что у нас внутри.

— Ты думаешь, он тоже может быть уязвимым? — спросила я, всё ещё не до конца веря в свои слова.

— Конечно, — уверенно ответила Дарина. — Если действительно ценит тебя, он откроется. И тогда ты увидишь, что за его внешней уверенностью скрывается человек, который тоже боится, сомневается и ищет поддержки.

Я кивнула, понимая, что, возможно, мне стоит сделать шаг навстречу. В душе зарождалось новое ощущение — хрупкое, но обнадеживающее.

— Спасибо за твои слова, мам, — сказала я, чувствуя, как внутри меня что-то меняется, словно расправляет крылья невидимая птица. — Я постараюсь быть более открытой.

— Вот и молодец, — улыбнулась она, и в этой улыбке было столько тепла, что мне снова захотелось обнять её. — И помни, что любовь — это не только радость, но и умение

принимать друг друга такими, какие мы есть. Это и есть настоящая близость.

Я молчала, обдумывая её слова, а потом тихо спросила, почти шёпотом:

— А ты думаешь, меня, когда-нибудь полюбит Кирилл или Костя?

Мама задумалась. Её взгляд стал мягким, задумчивым, словно она смотрела куда-то далеко, в глубины собственного опыта.

— Этого я тебе сказать не могу, милая. Любовь — это сложная штука, она не подчиняется нашим желаниям или расчётам. Она приходит сама, когда ей вздумается, и уходит, когда ей надоест. Но я могу сказать тебе другое: если ты будешь открытой, искренней и будешь любить себя, то обязательно найдёшь того, кто полюбит тебя. Неважно, будет это Кирилл, Костя или кто-то другой. Главное — быть готовой к этой любви, когда она постучится в твою дверь.

Её слова оседали в душе, как первые лучи рассвета — осторожно, нежно, прогоняя остатки ночной тьмы. Я словно ощущала, как эти лучи согревают что-то глубоко внутри, пробуждая давно забытое чувство надежды. Во мне рождалась новая решимость — тихая, но твёрдая, как первый росток, пробивающийся сквозь каменную крошку.

Я задумалась над её словами. В них была та особая мудрость, которую я всегда ценила в маме — не назидательная, не давящая, а мягкая, словно шёлковая нить, ведущая сквозь

лабиринт сомнений. Она никогда не давала готовых ответов, но всегда направляла, помогая найти собственный путь, словно подсвечивая фонариком тропинку в тёмном лесу.

— Значит, мне просто нужно быть собой? — спросила я, чувствуя, как напряжение, сковывавшее плечи и грудь, постепенно покидает меня. Оно таяло, как снег под весенним солнцем, оставляя после себя лёгкость и странное, почти забытое ощущение свободы.

— Именно, — подтвердила Дарина, и её улыбка стала ещё теплее, будто в ней отражалось всё то тепло, которое она вкладывала в свои слова. — Будь собой. Не пытайся быть кем-то другим, чтобы понравиться. Настоящая любовь найдёт тебя именно такой, какая ты есть. А если кто-то не сможет принять тебя настоящей, значит, это просто не твоя судьба и это тоже нормально.

Я посмотрела на неё, и в груди разлилось такое сильное чувство благодарности, что на мгновение перехватило дыхание. Мамины советы всегда действовали на меня как бальзам на душу — они не просто утешали, а словно давали крылья, позволяя взглянуть на мир с новой высоты.

— Ну что, может, споём вместе? Твою «Формулу счастья»? — предложила она, и в её голосе звучала та самая нотка, которая всегда заставляла меня улыбаться.

Я рассмеялась — легко, свободно, чувствуя, как последнее напряжение окончательно отступает, растворяется без следа.

— С удовольствием!

После разговора и пения с мамой я долго не могла уснуть. Мысли крутились вокруг парней, их образов, слов и взглядов, переплетаясь в причудливый узор, который никак не удавалось разобрать. В голове снова и снова всплывала сцена в студии — как Кирилл с дерзкой улыбочкой притянул меня к себе, а его глаза вспыхнули тем особенным огнём, от которого у меня перехватило дыхание. А Костя просто стоял в стороне, сжимая кулаки, но не решаясь вмешаться. В его взгляде читалось что-то глубокое, невысказанное — то ли обида, то ли борьба с самим собой. При этом всё он был всё ещё красивым.

Кто из них настоящий? — думала я, ворочаясь в постели, прислушиваясь к ночным звукам за окном. Или оба играют роли, а я просто зритель в их спектакле?

Сердце то замирало, то начинало биться чаще, будто пытаюсь дать ответ, которого я пока не могла услышать. В душе смешались надежда и страх, любопытство и неуверенность — целый вихрь чувств, от которого кружилась голова. Я закрыла глаза, пытаюсь успокоить мысли, но перед внутренним взором вновь возникали их лица: одно — дерзкое, вызывающее, другое — сдержанное и серьёзное.

И в этой путанице образов и эмоций я вдруг осознала: неважно, кто из них сделает первый шаг. Важно, чтобы я сама знала, чего хочу. И сделать окончательно правильный выбор для самой себя.

6 ГЛАВА

Даша

Июль 2015 год

Интересная, однако, штука — жизнь! Моя сестрица Аня, красавица невозможная, умудрилась познакомиться с самим Казанцевым! И ведь как всегда — ей везёт безоговорочно. Такие парни, как Костя, просто не могут не обратить на неё внимания. Это очевидно, как восход солнца: её внешность — словно картина, над которой природа трудилась с особым вдохновением. И как тут удержаться от зависти? Сердечко ноет, а в голове крутится: «Почему не я?»

Костя — мечта любой девушки. Накаченный, с шестью кубиками, будто высеченными из мрамора, стройный, сильный. От одного его взгляда внутри всё переворачивается, бабочки в животе устраивают настоящий ураган.

«Надо ли завидовать родной сестре? — мысленно спрашиваю себя. — Да? Нет?!» Зависть — эта коварная змеюка — то и дело поднимает голову. В голове роятся мысли: а может рискнуть? «Случайно» столкнуться с ним в парке, невзначай упомянуть общие интересы. Но тут же одёргиваю себя: «Стоп! Тормози!»

Это уже пахнет отчаянием, граничащим со сталкерством. Забываю, что я — не центр Вселенной, и мир не обязан подстраиваться под мои «хотелки». Снова пытаюсь втиснуться в чужую жизнь, как в корсет, который на три размера меньше.

И каждый раз — одни и те же ощущения: швы трещат, а я чувствую себя нелепой, одинокой, чуть ли не смешной.

«Нужно остановиться!» — твержу себе. У каждого своя траектория, своя орбита. Я не вправе грубо корректировать чужой маршрут. Надо отпустить. Позволить событиям течь своим чередом. Перестать цепляться за всё, будто это последний билет в цирк.

Но как, скажите на милость, перестать думать?! Мысли спутались в колючий клубок, из которого торчат острые шипы комплексов. Это всего лишь мои фантазии и иллюзии — воздушные замки, готовые рухнуть от малейшего дуновения реальности.

Я не такая, как моя сестра. У неё оружие — это её внешность, на которую клюют в два счёта. А что есть у меня? Лишь душа, изнывающая от жажды любви, готовая отдать всё без остатка ради любимого человека. Она — воплощение лёгкости, сияния, праздника. А я — тень в углу, незаметная, невзрачная.

Эта история с Костей похожа на сказку о Золушке, только хрустальную туфельку нашла не я, а сестрица Аня. И ведь он о ней говорит без умолку! А как же тогда я? Я знаю его с самого детства. И мечтала, что буду с ним, что стану его женой.

Но мечты, как облака, растворяются в небесной вышине, оставляя лишь призрачный след. Я наблюдаю за ними — за ними — как за двумя звёздами, сияющими ярче всех на

небосклоне. Они танцуют в ритме своей сказки, а я остаюсь в тени, словно луна, бессильная затмить солнце.

Зависть терзает сердце, когда представляю, что они могут быть вместе. Приходится прятать чувства за маской безразличия, но внутри — настоящая буря. Я знаю: во мне есть, что-то особенное. Но как это показать?

Как заставить его увидеть меня — настоящую, а не тень из прошлого? Каждый раз, когда он говорит о ней, сердце сжимается так, что больно дышать. В памяти вспыхивают картины детства: мы вместе играем, мечтаем о будущем, где только я и он. Но теперь Казанцев выбрал другую леди. А я осталась лишь воспоминанием о том, что могло бы быть.

Я не она. Возможно, никогда не стану ею. Но в глубине души теплится надежда, что однажды он увидит во мне ту, кто любит без условий, кто не боится быть уязвимой, кто никогда не оттолкнёт его. Ту, что будет рядом — всегда.

И вот я стою на краю этой бездонной пропасти — между мечтой и реальностью, между ослепительным светом и густой тенью. Сердце колотится, как пойманная птица: а вдруг однажды я соберусь с силами и сделаю тот самый шаг навстречу судьбе? Быть может, сумею показать ему, что любовь не всегда кричит о себе яркими красками и гламурными нарядами. Иногда она тихая, почти незаметная — но от этого не менее настоящая, не менее глубокая.

И чтобы вы понимали: сестра вовсе не метила в Костину сторону с самого начала. Её выбор пал на Кирилла — парня

без той сногшибательной внешности, что есть у моего Кости. Это ещё сильнее разжигает во мне странную надежду: значит, дело не только в облике?

Пора наконец встретиться с Аней и выведать все последние новости — целых два месяца меня не было в городе! Пальцы дрожат от нетерпения, пока набираю сообщение:

Даша: Приветик. Может, встретимся в кафе?

Ответ прилетает мгновенно, будто она ждала этого сообщения:

Аня: Привет сестрёнка. Да, давай.

Мы договариваемся о времени — и я, словно подхваченная вихрем, бросаюсь одеваться. Решила, что выберу что-нибудь не скромное, но и не слишком пафосное. Под низ я выбрала — красную юбку и бежевые кроссовки. В качестве выбрала сумку. Остаются последние штрихи — длинные серьги и лёгкий макияж, с капельками любимых духов — и вот уже готова выходить в свет! В зеркале отражается девушка с искорками в глазах и безумной, почти отчаянной надеждой в сердце. Я посылаю себе воздушный поцелуй — и выпархиваю из дома, словно бабочка, вырвавшаяся из кокона.

Тёплый ветерок кокетливо подхватывает подол платья, солнце ласково щекочет кожу, а воздух напоён божественным ароматом кофе и свежей выпечки. Всё вокруг дышит предвкушением, обещая восхитительное время препровождение. Я иду, а в груди разрастается ощущение, будто вот-вот случится что-то важное — как глоток свежего воздуха после

долгой засухи.

Кажется, целая вечность прошла с нашей последней встречи. Сколько всего нужно наверстать! Вывалить друг на друга все новости, рассмеяться до колик, вспомнить старые шутки, от которых всегда становилось тепло на душе.

Кафе уже маячит впереди — уютное, с тёплым светом из окон, с приглашающими к отдыху столиками. Я прибавляю шаг, чувствуя, как хорошее настроение бурлит внутри, словно шампанское, готовое вырваться пеной из бутылки.

Заметив сестрицу издалека, заметила её сегодняшний образ. Она выглядела так, будто была на каком-то мероприятии. На Ане сегодня был элегантный костюм и белые босоножки. Завершающим акцентом стало серебристое кольцо в виде змеи на её руке.

И в этот момент я словно ниндзя, подкрадываюсь сзади зажимая ей глаза ладонями.

— Угадай, кто? — шепчу, едва сдерживая смех.

— Да как же я могу тебя не узнать, хулиганка! — отзывается она, заливаясь звонким смехом. — Это же моя любимая сестрёнка! — И заключает меня в такие крепкие объятия, что я чуть не хрустнула. — Как же я по тебе соскучилась, родная.

— И я по тебе! Как ты? Так здорово, что мы наконец-то снова увиделись! — выдыхаю, усаживаясь за столик.

Мы делаем заказ: горячую «Филадельфию», канадский ролл и два безалкогольных коктейля «Розмари». Официант-

ка упархивает, а мы продолжаем болтать без умолку, словно боясь упустить хоть секунду вместе.

— Всё просто супер! А у тебя что новенького? Как съездила в Италию?

— О, это было просто потрясающе! — глаза сами загораются при воспоминаниях. — Знаешь, я будто попала в настоящую сказку. Солнце, море, невероятная архитектура. А какая там еда! Это просто нечто! И представляешь, мне даже удалось поплавать внутри здания, похожего на мост — это было так необычно!

— Вау, ничего себе! — сестра восхищённо качает головой. — А знаешь, чего мне очень не хватало, пока тебя не было? — Она бросает на меня понимающий взгляд и продолжает тише: — Такого чувства, когда жизнь превращается в день сурка, и нужна какая-то встряска.

В этот момент появляется официантка с нашим заказом. Божественный аромат роллов наполняет воздух — и мой аппетит пробуждается, как у медведя после зимней спячки!

— Мм, выглядит просто объедение! — восклицает Аня, и в её глазах танцуют искорки радости, словно маленькие солнечные зайчики, когда она впивается взглядом в поднос. — Давай сначала набьём животы, а потом ты выложишь всё как на духу?

Я расплываюсь в широкой улыбке и безмолвно киваю. Наша сестринская связь — крепче любой бури, прочнее любых невзгод. В её присутствии я снова чувствую себя дома,

в полной безопасности, словно все тревоги растворяются в тёплом свете её улыбки.

Мы моментально расправляемся с суши, деля их поровну: каждой — по четыре канадских ролла и четыре горячих «Филадельфии». Аппетитные звуки, звон бокалов, лёгкий смех — всё сливается в уютную симфонию. Мы уплетаем роллы, потягиваем коктейли, но моё любопытство, словно назойливая муха, не даёт мне покоя, жужжит в голове, подталкивает к вопросу.

— Ну, и как там дела с Кириллом? — выпаливаю я, стараясь сохранить беззаботную улыбку.

Аня едва не подавилась коктейлем — закашлялась так резко, будто увидела призрака. Её глаза расширяются, а лицо мгновенно заливается румянцем.

— Солнце, полегче! Ты такой вопрос с порога задаёшь, будто нет других тем для разговоров, — хрипло произносит она, вытирая слёзы от кашля.

— Почему? Есть, конечно. Просто мне правда интересно, как обстоят ваши дела, — настаиваю я, чувствуя, как внутри всё напрягается в ожидании ответа.

— Одно свидание приравнялось к марафону любви, — выпаливает она, и теперь уже я едва не поперхнулась.

— Ты серьёзно?! — ахаю я, ощущая, как сердце начинает биться в бешеном ритме, будто пытается вырваться из груди. — Может, ты немного торопишь события?

Она наконец отдышалась, проводя рукой по волосам,

словно собирая мысли воедино.

— Понимаешь, между мной и Кириллом такая химия. Словно мы знакомы целую вечность. Будто наши души давно нашли друг друга, а тела только сейчас догнали.

— И как это ощущается? — подаюсь вперёд, ловя каждое её слово, пытаюсь проникнуть в суть этого неведомого мне чувства.

Сестрёнка задумывается, её взгляд устремляется куда-то вдаль, будто она вылавливает слова из невидимого потока.

— Это как смотреть на звёзды и осознавать: они всегда были там, даже если ты их не видела. Как будто ты наконец нашла то, что искала всю жизнь, но даже не знала, как это называется.

— Звучит чертовски романтично, — шепчу я, а внутри всё сжимается от странного коктейля эмоций: радости за неё и острой, колючей зависти. — Но ты не бойшься, что это слишком стремительно? Что всё может рассыпаться, как замок из песка?

— Мы с ним созданы друг для друга. Он — моя родственная душа, моё солнышко, — произносит она с такой уверенностью, что мне становится не по себе.

И тут я, не успев удержать язык за зубами, выпаливаю:

— А как же Костя? Помнишь, я тебя с ним знакомила на нашем первом занятии? Мне всегда казалось, что он тебе больше подходит, чем Кирилл. Он такой крутой, накачанный, смелый, готовый на любые приключения. И, вдобавок

ко всему, сестрёнка, у него шесть кубиков!

Что я, чёрт возьми, несу?! Внутри всё обрывается. Вроде бы я искренне радуюсь за её союз с Кириллом. Уф, зачем я вообще заикнулась о другом? Неприятная горечь заползает под кожу, разъедает изнутри. Чёрт, да это же ревность проснулась!

Стараясь не выдать себя, я выжидающе уставилась на неё, затаив дыхание. Аня вздыхает, отводит взгляд, словно ищет в воздухе нужные слова.

— Константин очень хороший парень, — начинает она тихо. — Но с ним нет ощущения, что я дома. Словно я должна крутиться вокруг него, подстраиваться, быть той, кем он хочет меня видеть. А с Кириллом я чувствую себя целой. Понимаешь?

«Целой?» — эхом отдаётся в моей голове.

В этот момент я осознаю: для неё сила — не в шести кубиках пресса и не в способности поднять штангу. Сила — в его действиях, в уверенности, в том, как он умеет слушать, слышать, чувствовать. А Костя при всей своей внешней крепости, кажется каким-то хрупким. Как будто его можно сломать одним неосторожным движением мысли, одним неверным словом.

Я молча киваю, пытаюсь унять бурю внутри. Она счастлива. Это главное. Но где-то глубоко, в самом тёмном уголке души, тлеет искра надежды: а вдруг однажды и я найду того, с кем тоже смогу почувствовать себя целой?

Мне кажется, Аня глубоко ошибается насчёт Казанцева. Она видит лишь фасад — ту безупречную уверенность, которую он с таким тщанием выстраивает. Но за этой блестящей маской скрывается нечто хрупкое, почти прозрачное. Кирилл умеет говорить красиво, звучать убедительно. Но в его глазах порой мелькает тень сомнения — словно он сам не до конца верит в то, что произносит. Моя сестра, погружённая в мир своих мечтаний, не замечает, как легко эта уверенность может рассыпаться при первом же серьёзном испытании.

А Костя совсем другой. Да, он может быть грубым, резким, порой даже неприятным. Но в каждом его движении, в каждом поступке чувствуется настоящая сила — та, что не нуждается в громких словах и показных жестах. Он знает, что такое борьба, умеет держать удар. И именно это делает его по-настоящему стойким. Сестрица не понимает главного: истинная сила не всегда кричит о себе. Иногда она прячется в уязвимости, в умении признать слабость.

Может, в этом и есть их главное различие? Оба по-своему хороши. Но только один из них способен выстоять, когда налетит настоящий шторм.

— Понимаю, — выдавливаю из себя, чувствуя, как внутри что-то болезненно сжимается, будто кто-то сжал сердце ледяной рукой. — Просто он так смотрит на тебя будто влюблён без памяти. Я думала, может, вы будете вместе?

И что я опять несу?! Слова вырываются сами, словно чу-

жие, и я лишь изумлённо наблюдаю за тем, как они летят в пропасть, между нами. Конечно, только я могла ляпнуть такое.

— Поверь, он замечательный, — мягко отвечает Аня. — Но иногда мне кажется, что наши дороги никогда не сойдутся.

Я киваю, чувствуя себя полной идиоткой. Слова сестры ускользают, словно песок сквозь пальцы, а я никак не могу ухватить их суть.

— Ты говоришь о чувствах, от которых кружится голова, — осторожно подбираю слова, стараясь не нарушить хрупкую нить разговора. — Но мне, кажется, ты видишь перед собой только одного человека. Хотя, напомним, он куда эффективнее твоего парня.

— Даша! — её голос звучит резко, почти укоризненно.

— Что я такого сказала? — пожимаю плечами, стараясь выглядеть невозмутимой. — Ты кроме него никого вокруг не замечаешь. И говоришь только о нём — как тогда, после знакомства, так и сейчас.

— Ты сама начала спрашивать про Кирилла, — вздыхает сестра. — Вот я и рассказываю. Пойми, с ним я чувствую себя как дома. А с Костей словно на экзамене по высшей математике. Каждый раз будто нужно доказать, что достойна находиться рядом.

Молчу, переваривая её слова. В груди разрастается странное ощущение — будто я стою на краю пропасти и не знаю,

шагнуть вперёд или отступить.

— Может, стоит поговорить с Костей? — наконец выдавливаю я, понимая всю абсурдность предложения. Это всё равно что уговаривать кошку полюбить пылесос — заведомо провальная затея.

«Говорить» — вот, оказывается, лучший вариант для неё сейчас. Внутри всё клокочет от бессилия и досады. Совершенно не понимаю, что творится в голове у сестры! Костя — настоящий принц на белом коне, а она отмахивается от него, будто от назойливой мухи. Да за такого парня любая другая девица душу дьяволу продаст, не раздумывая!

А Кирилл? Вечный бабник. И ведь нельзя сказать, что Аня — наивная дурочка. Она умная, рассудительная, всегда чётко знает, чего хочет, но сейчас словно подменили её — будто на неё наложили какое-то проклятие!

Я пыталась поговорить с ней по душам, мягко намекнуть, что Костя — это надёжность, стабильность, опора. А она лишь отмахивается, повторяет как мантру: «С Кириллом всё по-другому, с ним лучше». Что значит «по-другому и лучше»?!

Неужели только то, что она сейчас счастлива? Нет, не верю. Внутри всё сжимается от тревоги: а что потом? Когда иллюзии развеются, когда реальность ударит наотмашь? Костя? Он долго страдать не будет. Найдётся та, что увидит в нём то, чего не разглядела Аня. Кто оценит его по-настоящему. И тогда моя сестра будет локти кусать,

понимая, что упустила своё счастье.

— Поговорить о чём? Я с Кириллом. Может, это тебе нравится Костя? А ты свои чувства перекладываешь на меня. Я твою логику, сестрёнка, никак не понимаю, — её слова бьют точно в цель.

— Бред говоришь, — вырывается у меня, но голос звучит неестественно резко.

— А-ха-ха, по нашему разговору сейчас мне кажется, что он тебе нравится, — в её голосе звучит лёгкая насмешка, от которой становится ещё горше.

— Знаешь, кто из нас глупая? Так это ты. Потому что упускаешь такого человека. Он бы любил тебя, носил на руках, просто был рядом, но ты упускаешь эту возможность, — слова рвутся наружу, обжигают губы.

— Ты думаешь, я не вижу, как ты на него смотришь? Как будто он единственный свет в твоём окне. И что же мне теперь, по-твоему, делать? Бросить того, кого я люблю, ради другого человека? Ты же сама знаешь, что это так не работает. Наверное, хочешь, чтобы я была несчастна, как ты, — её голос дрожит, но в нём звучит непоколебимая уверенность.

— Это неправда! — выкрикиваю я, чувствуя, как комок подступает к горлу.

Я резко встаю из-за стола, стул с грохотом отлетает назад. Не могу больше смотреть в её глаза и слушать эти бредни. Дверь кафе хлопает за мной, оставляя её фразу висеть в воздухе. А как я на него смотрю? Да, возможно, в моём взгля-

де и есть тепло. Но разве Аня не понимает, как мне больно? Потому что Косте нравится она. А он как был глуп в юности, так и остался. Ветер бьёт в лицо, но я не чувствую холода. Внутри — лишь жгучая смесь обиды, тревоги и безысходности. Я знаю, что не права, что вспылила. Но её слова, её непоколебимость всё не то. Они ранят сильнее, чем я готова признать такое.

7 ГЛАВА

Кирилл

Август 2015 год

Наверное, вы подумали, что я бабник — сначала Аня, а потом Эвелина. Но всё было куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Аня сама потянулась ко мне, пленённая изящной игрой слов, наивная, распахнутая миру. В её взгляде, чистом и доверчивом, я невольно искал — и находил — отражение собственных желаний. Сердце сжималось от невольной вины: я не хотел её обманывать, но и не мог отрицать того пламени, что вспыхнуло при встрече с Дмитриевой. Оно опалило меня неожиданно, безжалостно, оставив на душе неизгладимый след.

С Эвой всё случилось словно по мгновению невидимой руки судьбы. Ни долгих ухаживаний, ни продуманных шагов — только ослепительная искра, пронзившая нас обоих, как

электрический разряд. До сих пор помню тот миг: мы стояли под внезапно обрушившимся ливнем, деля один зонт на двоих. Её смех, лёгкий и звонкий, разливался сквозь шум дождя, а я вдруг ощутил, как весь мир замер — до последней капли на её ресницах, до трепетного взмаха век, до мелодии её голоса, перекрывающей грохот стихии. В тот момент время остановилось, оставив нас вдвоём в этом волшебном коконе из дождя и смеха.

В конце сентября мы отправились на фильм «После навсегда» — 5 часть истории о Хардине и Тессе. Если вы смотрели предыдущие 4, обязательно сходите и на эту: она завершает историю так, что сердце сжимается от смешанного чувства грусти и надежды.

В тот вечер в кинотеатре я окончательно пропал. Сидя рядом с Эвелиной, я ловил каждое движение своей девушки, как она смеялась, искренне и заразительно, как слёзы, подобные драгоценным камням, блестели в глазах во время трогательных сцен; как её губы изгибались в нежной улыбке, когда она погружалась в историю. В один миг она наклонилась ко мне, прошептала что-то на ухо — и от её дыхания по коже пробежали мурашки, словно тысячи крошечных искр. Слова стёрлись из памяти, но их тон остался — нежный, искренний, будто клятва на вечность и обещание, которое нельзя нарушить.

— Как тебе фильм? — спросил я, когда мы вышли в яркий свет уличных фонарей, резко контрастирующий с тем-

нотой кинозала. Этот свет, резкий и беспристрастный, словно обнажал наши души, заставляя сердце биться чаще.

Эвелина поправила выбившуюся из причёски прядь, задумчиво глядя вперёд. В её глазах ещё отражались отблески пережитых эмоций, словно мерцающие звёзды в ночном небе.

— Знаешь, мне очень понравилось, но финал оставил у меня вопрос. Почему Тесса решила простить его? Из-за обиды на то, что он написал книгу о них, не предупредив её? Или она решила сама изменить свой характер, чтобы стать лучше и не истерить так больше? Это ведь так больно, — её голос дрогнул, и в этой дрожи я почувствовал отголосок собственные переживания.

— Возможно, она поняла, что совершила ошибку, — предположил я, стараясь вложить в слова уверенность, которой на самом деле не испытывал.

Девушка остановилась, задумчиво разглядывая мерцающее отражение фонарей в луже. Капли на асфальте переливались, словно рассыпанные бриллианты, но в её взгляде читалась тяжесть, будто она видела в этой россыпи не красоту, а горькую правду жизни.

— Или увидела в нём искреннее раскаяние, которое словами не передать, — добавил я, но голос дрогнул, выдавая мои собственные сомнения.

Девушка вздохнула — тихо, почти беззвучно, но этот вздох пронзил меня острой иглой вины.

— Может, люди прощают не потому, что действительно простили, а потому, что устали бороться. Хотят покоя. Возможно, Тесса просто устала? — её слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как осенний туман.

Её взгляд встретился с моим — в нём читалась грустная улыбка, словно она уже знала ответ, но боялась его произнести.

— Или я слишком цинична? — прошептала она, и в этом вопросе было столько уязвимости, что у меня сжалось сердце.

— Не говори глупостей, — мягко ответил я, невольно протягивая руку, чтобы коснуться её ладони. Тепло её кожи обожгло меня, напомнив, как хрупко то, что между нами зарождается.

— Если бы ты писал о нас книгу, то я бы не была против, — резко заявила моя девушка.

Я замер, не зная, как реагировать на её внезапное признание. Слова застряли в горле, а в голове вихрем пронеслись мысли: что она имеет в виду? Это шутка? Или серьёзное заявление, за которым скрывается нечто большее?

— Ты правда так думаешь? — наконец выдал я, ровным голосом.

Эвелина слегка улыбнулась, и в этой улыбке мне почудилась тень прежней лёгкости, которую я так любил. Она сделала шаг ближе, и свет фонаря очертил профиль её лица, подчеркнув тонкие черты и задумчивый изгиб губ.

— Правда, — тихо ответила она. — Потому что, если бы ты писал о нас, это была бы не история о предательстве и обидах. Это была бы история о том, как два человека любят друг друга. О том, как они... — она запнулась, словно подбирая слова, — как они кайфуют и пытаются не упустить то, что между ними есть.

Я почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Её слова, простые и искренние, пронзили меня до глубины души. Я хотел сказать, что-то важное, что-то, что передало бы всю гамму чувств, бушевавших внутри, но вместо этого лишь сжал её ладонь чуть крепче.

— Знаешь, — продолжил я, глядя ей в глаза, — если бы я писал о нас, я бы начал с того момента, когда мы впервые встретились. Помнишь?

Эвелина тихо рассмеялась, и этот звук, лёгкий и тёплый, словно рассеял последние тени сомнений.

— Да помню. И что бы ты написал дальше? — спросила она, слегка наклонив голову.

Я задумался. В воображении уже рисовались строки — не идеальные, но настоящие.

— Я бы написал о том, как мы спорим о фильмах, книгах и смысле жизни. О том, как ты умеешь слушать, даже когда я сам не знаю, что хочу сказать. О том, как твои глаза светятся, когда ты говоришь о чём-то, что тебя по-настоящему волнует. И о том, как я каждый раз удивляюсь, что ты рядом.

Она молча смотрела на меня, и в её взгляде я увидел то,

чего так боялся не найти — отклик, тепло, доверие. Сердце забилося чаще: эти безмолвные секунды казались драгоценными, почти священными.

— Это так красиво, любимый, — тихо произнесла Эвелина, и голос её дрогнул, будто она сама не верила в реальность происходящего.

Я глубоко вдохнул, чувствуя, как внутри разгорается огонь решимости. Медленно, словно боясь спугнуть хрупкое мгновение, я коснулся её шелковистых волос, провёл пальцами по пряди, упавшей на плечо.

— А ещё, — начал я, глядя ей прямо в глаза, — я хочу с тобой построить будущее. Настоящее будущее — с домом, где будет звучать детский смех, с вечерами у камина, с тысячей маленьких привычек, которые станут только нашими. Хочу крепкую семью, где каждый день — это выбор друг друга, где любовь не угасает, а становится глубже с годами.

Эвелина замерла, словно впитывая каждое слово. В её глазах мелькнуло что-то неуловимое — смесь радости, тревоги и безграничного тепла. Она медленно подняла руку и нежно коснулась моей щеки.

— Я тоже хочу, — прошептала она, и в этом признании было столько искренности, что у меня перехватило дыхание.

Время будто остановилось. Я наклонился к ней, и наши губы встретились в поцелуе — нежном, трепетном, полном невысказанных обещаний. В этом прикосновении было всё: надежда, доверие, любовь, которая росла, между нами, как

хрупкий росток, пробивающийся сквозь камень.

Когда мы отстранились, Эвелина прижалась ко мне, уткнувшись носом в плечо. Я обнял её, чувствуя, как успокаивается ритм её сердца, синхронизируя с моим.

— Знаешь, — тихо сказал я, глядя её по волосам, — теперь я точно знаю: всё получится. Потому что я никуда тебя не отпущу.

Она подняла голову, улыбнулась — на этот раз по-настоящему, светло и безоблачно, — и кивнула. В этом жесте было больше слов, чем могли бы выразить тысячи фраз.

Нашу тишину разорвал резкий звонок. Аня и 35 сообщений, проигнорированных больше 4 часов назад. По спине пробежал предательский холодок, ледяной, как дыхание зимы. Я знал: сейчас начнутся претензии, упрёки, вопросы, на которые у меня нет ответов. Не то чтобы я намеренно игнорировал — просто, находясь рядом с Эвой, забывал, что где-то существует другая жизнь, другая реальность, в которой я играю совсем иную роль.

— Кто тебе звонил? — спросила моя девушка, прищурившись. В её голосе звучала настороженность, а в глазах мелькнул немой вопрос, от которого у меня сжались кулаки.

— Давай я расскажу через 4 дня, — уклонился я, от ответа чувствуя, как внутри нарастает паника. Её руки скрестились на груди — жест, полный недоверия и обиды.

— Что такого секретного может произойти за это время? Работа? Или другая девушка? — каждое слово, словно ост-

рый

клинок, вонзалось в моё сознание.

Я закатил глаза, пытаюсь успокоиться.

— Ну вот, началось. Никаких других, клянусь. И с работой тоже всё просто — её у меня нет. Это другая тема. Честно, сложно объяснить.

— Сложно? Тогда просто скажи, кто звонил, — настаивала она, и в её голосе зазвучала стальная нота, от которой по спине пробежали мурашки.

Я глубоко вздохнул. Отступить было некуда. В её глазах — не просто любопытство, а жажда правды, какой бы горькой она ни оказалась. Молчание давило, заставляя сердце биться чаще, словно пытаюсь вырваться из груди. Нужно было говорить. Она заслуживала этого, даже если правда могла разрушить, то хрупкое, что только начало зарождаться, между нами.

— Нет, мне нечего скрывать, — наконец произнёс я, глядя ей прямо в глаза. Я заставил себя не отводить от неё взгляд. — Просто я волнуюсь из-за завтрашней вечеринки в студии. Боюсь выглядеть глупо, не оправдать ожиданий.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и вязкие, как туман над рекой. Я ждал её реакции, гадая, поверит ли она. К моему удивлению, на её лице появилось сочувствие — тёплое, искреннее, от которого внутри что-то дрогнуло. Напряжение слегка отпустило, но лишь на мгновение.

— Пообещай мне, мы встретимся, и ты всё объяснишь,

— попросила Дмитриева. Голос звучал мягче, но в нём чувствовалась твёрдость, от которой проникало мне прямо в кожу.

Это было не просто требование — это был ультиматум, завернутый в бархатную оболочку. Внутри меня снова поднялась волна смятения, захлёстывая с головой. Что именно я должен сказать? Все свои страхи? Сомнения? Боль, терзающую изнутри? Или правду, которую так долго скрывал, прятал даже от самого себя?

— Обещаю, — прошептал я, осознавая: этим словом, открывая дверь в мир, куда сам боялся заглянуть. В мир, где придётся столкнуться с последствиями своих поступков, с болью, которую причинил, с правдой, которую так долго избегал.

Эва слегка улыбнулась. В этой улыбке читалась надежда — или мне просто хотелось так думать? Я готов был ухватиться за любую соломинку, за малейший признак того, что всё ещё можно исправить.

Вечер продолжался, но для меня время словно застыло, превратившись в вязкую массу, сквозь которую я пробирался с трудом. Я старался держаться непринуждённо, шутить, поддерживать разговор, но мысли крутились вокруг грядущей встречи, как хищные птицы над добычей. Смогу ли быть честным до конца, не сломавшись под грузом вины и страха?

Внутри нарастало напряжение — как туго натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. В голове

прокручивались десятки сценариев, один мрачнее другого. Я представлял её лицо в момент, когда она узнает правду. Анята, скорее всего, закричала бы, ударила и возненавидела меня. А моя Эвелина? Сможет ли она простить? Или в её глазах навсегда останется разочарование, холодное и беспощадное, как зимний ветер?

Я боялся потерять её и увидеть ту боль, которую сам причиню. Но ещё больше боялся, что, утаив правду, потеряю шанс на что-то хорошее — на ту хрупкую, но драгоценную связь, которая только начала появляться.

8 ГЛАВА

Костя

Август 2015 год

Как я и твердил не раз — мой братец попросту клинический случай! Если бы я был хоть чуточку на него похож, меня бы выворачивало наизнанку от одного взгляда в зеркало. Но, увы и ах, коварная судьба-злодейка намертво связала нас кровными узами — ведь от родства никуда не скрыться! Ох, если бы она проявила хоть каплю благосклонности, мы бы не делили это проклятое ДНК.

Но жизнь — штука безжалостная. Приходится терпеть эту абсурдную реальность: мы друг друга на дух не переносим, однако вынуждены тащиться на одни и те же занятия. Лучше бы он вообще туда не совался, честное слово! Его там точно

никто не ждёт — особенно после того позорного случая.

Даша? О, она в категорической форме заявляет, что мой братец — ну никак не мужчина её мечты. Даже близко не стоит! Она буквально рассыпается в эпитетах, описывая его: «показушник», «безалаберный олух», «негодяй, не умеющий держать себя в обществе»! Каждое слово — как удар хлыста.

А помните, как она, дрожа от обиды, вывалила историю о том, что он даже на их супер-важную встречу не явился? Предпочёл, видите ли, ужин с другими людьми! Можете себе представить? Ужин оказался важнее возможности блистать на тусовке и развлекаться со своими «рабынями» — так она язвительно окрестила всех его бывших пассий.

Может, конечно, она втайне по нему сохнет? Оттого и кипит завистью к Ане, которая с ним часто сталкивается. Но лично я — ни капли не завидую. Я же вам говорил: Кирилл — ещё тот фрукт, и скоро вы в этом убедитесь во всей красе.

И вот, представьте себе, сегодня — 25 августа 2015 года — учительница шлёт сообщение в Telegram. Барабанная дробь!

Анастасия В: Сегодня, в 7 вечера, в «Musiclab» — гламурная вечеринка, приуроченная к началу учебного года!

Я чуть не подпрыгнул до потолка от радости! Наконец-то снова увижу девочек! Сердце заколотилось, как сумасшедшее, стоило лишь вообразить их улыбки, смех, лёгкие движения в такт музыке.

Но тут же в душу впилося ледяное «НО»: там, конечно же, собственной персоной будет мой почтенный старший братец. Уф, его присутствие в этом мире — как заноза в сердце. Ничего не поделаешь — придётся терпеть.

Долго ломал голову над своим прикидом. Это ведь не просто вечеринка, где достаточно натянуть чёрные штаны и белую рубашку! Нужно выглядеть безупречно. В мыслях невольно всплыл образ Ани: что наденет она? Хотя что бы ни выбрала — ей всё к лицу. Я буквально видел её в своём воображении: лёгкое платье, струящееся по фигуре, блеск глаз, улыбка, от которой замирает дыхание.

Вот бы с ней сегодня спеть и станцевать! Представить, как её рука ложится на моё плечо, как мы движемся в унисон. А какой у неё сегодня будет запах? Ваниль? Жасмин? Или что-то неуловимое, пряное, сводящее с ума? Эта загадка будоражила воображение. Я твёрдо решил: сегодня я её разгадаю.

Мои грёзы прервало резкое дзинь уведомление в Telegram. На экране высветилось сообщение. От кого? Ну конечно! От моего любимого братишки, которого я, к величайшему сожалению, совершенно не ждал.

Кирилл: Сегодня в «Musiclab» будет вечеринка, ты на неё пойдёшь?

Костя: Конечно же, иду. Как на неё не пойти? А ты что, надеялся, что я не пойду по каким-то своим причинам?

Кирилл: Разве сегодня у тебя не мероприятие по случаю

выставки в музее? Это мне папа вчера рассказал.

Костя: Ты ошибаешься. Никогда в жизни не пропущу такое событие в студии. Начало учебного года, а пропускать нежелательно. К тому же отец знает, что я учусь пению.

Кирилл: А, ну да, ты же на каждом мероприятии появляешься, братец. Какой ты заноза.

Костя: Уколоть меня в такой ситуации не получится.

Кирилл: Для меня это большая честь снова увидеться, мой заклятый враг.

Костя: С честью приму твои уколы — прямо до глубины души, в самое сердце. Кстати, ты не знаешь, Аня сегодня придёт на вечеринку или нет?

Кирилл: А что, я должен перед тобой отчитываться во всех подробностях? У меня нет такой информации для тебя. Снова братец, забываешь, что она моя девушка. Только, пожалуйста, не плачь в подушку после такого заявления.

Костя: Кто бы говорил. Аня всё равно рано или поздно поймёт, какой ты на самом деле.

Кирилл: И какой же я? Слушай, свои прелести не показывай Даше. А кстати, забыл спросить: давно ты с ней мутишь? Я вас вместе видел. Вы такая крутая недопара. Только потом не наговаривай на меня, что я бабник. Ты ничем не лучше, младший братец.

Костя: Слушай, у меня со всем этим всё в порядке, в отличие от тебя. Мы с Дашей просто друзья. Позволь заметить, что тебе стоит уделить внимание своим манерам, прежде чем

критиковать меня. Твоя бесстыдность не знает границ, и, похоже, жизненный опыт тебя ничему не научил. Что касается Ани, сомневаюсь, что она видит в тебе потенциального партнёра, учитывая ваши с ней отношения. Интересно, говорила ли она тебе, когда-нибудь, что ты для неё значишь? Полагаю, ответ очевиден. Так что, Кирюша, советую тебе усмирить своё эго.

Кирилл: Я и Аня переспали. Как тебе такая новость, братишка?

Внутри всё оборвалось. Кровь прилила к лицу, кулаки сжались сами собой. Но я не мог — не хотел — выдать свою ярость в сообщениях.

Костя: Знаешь, я в это не верю. И не трать своё время, убеждать меня бесполезно. Впрочем, это значит, что у нас ещё

будет возможность пообщаться с глазу на глаз. До встречи на вечеринке, братец. А я, в отличие от некоторых, уже собираюсь. Почти готов, а ты там, наверное, всё ещё бегаешь по дому в поисках самого себя.

Ухмыльнулся, прочитав собственное сообщение. В душе расцвело едкое удовлетворение: «Видимо, он прикусил язык. Раунд — мой!» Эта маленькая победа требовала награды, и я твёрдо решил: сегодня я возьму от вечеринки всё. Может, даже отыщу тот самый коктейль — мой любимый, с терпким послевкусием и искрящимися пузырьками.

Время, как всегда, несло неумолимо. Только сейчас осо-

знал: уже 3 месяц я оттачиваю вокал и как будто целая жизнь.

Сегодня мой образ дополнила базовая синяя футболка, поверх которой был надет чёрный жилет с акцентом в виде цепочки с карабином на кармане. Низ составили широкие чёрные брюки и синие кроссовки. После этого тщательно подобрал аксессуары, а потом щедро набрызгал запястья и шею своим фирменным одеколоном — тот самый аромат, который всегда придавал мне уверенности. Сделал свою фирменную укладку для волос и вуаля, я готов! Вбил адрес в приложение, вызвал такси. Путь неблизкий — около часа.

Когда машина остановилась у входа, из распахнутых дверей здания уже лилась музыка — гул басов, переливы синтезаторов, смех и разговоры. Я вышел, вдохнул прохладный вечерний воздух и увидел Дашу.

Она стояла, словно сошедшая с картины фея: лёгкое, воздушное белое платье, будто сотканное из лунного света. Ткань мягко облегла фигуру, колыхалась при каждом движении, создавая иллюзию невесомости. На ногах девушки были туфли на высокой платформе. В её волосах, заплетённых в свободную косу, поблёскивали крошечные стразы — точно капли росы на утренней траве. А также у неё был небольшой чёрный клатч, который гармонировал с её макияжем.

Даша улыбнулась — и мир будто озарился. Эта улыбка всегда действовала на меня как солнечный луч в пасмурный день: мгновенно прогоняла хмурые мысли, наполняла душу

теплом. В её глазах, цвета летнего неба, светилось предвкушение, и я невольно поддался этому настроению. Казалось, даже ветер замер, боясь нарушить хрупкую красоту момента.

Я подошёл, чувствуя, как внутри разгорается приятное волнение.

— Приветик, Костя! Я тебя ждала. Как тебе мой образ? — Даша с лёгкой грацией покружилась передо мной, и платье вспыхнуло мириадами искр.

— Мне очень нравится. Стильно, элегантно — и сочетается в тему вечеринки. А как тебе мой? — я чуть повернул корпус, демонстрируя свой образ.

— Отлично выглядишь. Выглядишь ещё круче, чем я, — она подмигнула, и в её взгляде мелькнула игривая нотка.

— Честно просто обалденно выглядишь! — не удержался я от комплимента.

— Спасибо. Выступать сегодня будешь?

— Да, буду. Жалко, что ты не поёшь с нами.

— Отлично! Я уже предвкушаю твоё выступление. Знаешь, что я люблю слушать, как ты поёшь, — её голос звучал тепло, искренне.

— Спасибо, мне приятно.

— А вот я не умею. И слух у меня — как у деревянного медведя, — она рассмеялась, и этот смех звонко разлился в вечернем воздухе. — Кстати, видела твоего брата вместе с Аней. Она, конечно, красивая, но точно не красивее меня, — в её тоне проскользнула лёгкая бравада.

— Прости, не хотел тебя обидеть, — я слегка смутился.
— Они пришли? — взгляд мой невольно метнулся в сторону входа.

— Ну, как тебе сказать. По-моему, да, — Денисова пожала плечами, но в её глазах читалось нечто большее —
будто она знала, что-то, чего не знал я.

— Этим вечером им спокойствия не видать, — произнёс я с холодной решимостью. — Я тебе обещаю.

— Я верю твоим словам и полностью тебя поддерживаю. Пойдём? А то нас наверняка уже заждались, — с лёгкой улыбкой ответила она.

— Пойдём, — кивнул я, и мы направились к дверям.

Внутри зал пылал красками и звуками. Всё было продумано до мелочей: мерцающие гирлянды, дым от генераторов, танцпол, уже заполненный людьми. Я окинул взглядом пространство — и тут же заметил брата. Волосы у него были прилично уложены, а сам он выглядел в новом, непривычном для себя луке. Белый пиджак до колен, простая рубашка и широкие штаны кофейного цвета с поясом на талии — всё это создавало такой модный, молодёжный вайб. На ногах — чёрные кроссы от известного бренда. Стоял Казанцев в окружении парней, что-то оживлённо рассказывая и смеялся. Рядом с ним — Аня. Её силуэт выделялся на фоне остальных: девушка предстала в вечернем бальном платье, где корсетный лиф-бандо идеально сочетался с многоярусной пышной юбкой. Оно было выполнено из прозрачного бардового фа-

тина, украшенного изящными аппликациями в виде бабочек. Под слоями фатина просвечивал молочный оттенок подола, придавая наряду особую нежность. Талию подчёркивал декоративный пояс с крупной пряжкой, вторящей глубокому бардовому цвету платья. Образ дополняли серебряные серьги-каффы, белые туфли и элегантный белый клатч. От одной её улыбки у меня перехватило дыхание.

Я подошёл к Анастасии Владимировне. Она держала в руках список участников и выступлений, её лицо было сосредоточенным.

— Выступаем по порядку, — ровным, чётким голосом произнесла она. — Ангелина — первая, Аня — вторая, Кирилл

— третий, Костя — четвёртый.

— Без проблем, — ответил я, старательно маскируя волнение под небрежной интонацией.

Внутри всё скрутилось в тугой узел. Впереди — сцена, музыка, сотни взглядов и она. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышат все вокруг. Я сглотнул, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

Учительница кивнула, не отрывая взгляда от списка. Её пальцы скользили по строчкам с холодной методичностью, будто она составляла не порядок выступлений, а приговор. В воздухе повисло тягучее напряжение. Я буду четвёртым, брат — третьим. Где же справедливость? И что он собрался петь? Какую очередную пафосную балладу выберет, чтобы

произвести впечатление?

— А я, значит, пятый? — раздался за спиной недовольный голос. Я обернулся.

Александр Абрамов — вечный соперник, вечно недовольный и норовящий влезть без очереди. Его лицо исказила гримаса досады, брови сошлись на переносице.

— Да, так и есть, Саш, — наконец оторвала взгляд от списка учительница, её тон был бесстрастен.

Я едва сдержал смех. Вот он, бумеранг судьбы! Пусть теперь почувствует, каково это — оказаться в хвосте. «Не суй нос, куда не просят», — мысленно усмехнулся я.

Краем глаза заметил брата. Он уже распрощался с приятелями и теперь с ленивым интересом разглядывал украшения зала — гирлянды, мерцающие огоньки, причудливые композиции из цветов. Я направился к нему, стараясь выглядеть непринуждённо.

— Привет, — бросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Готовишься покорять публику?

Кирилл обернулся. На его лице мелькнула усмешка — та самая, от которой у меня всегда зудели кулаки.

— А ты, смотрю, уже в курсе своего места в программе? — он подмигнул, и в этом жесте было столько самодовольства, что я с трудом сдержался. — Не волнуйся, четвёртое место —

это тоже неплохо. Главное — не последнее.

Его слова звучали знающе. Будто он держал в рукаве ко-

зырь, о котором я не догадывался. В глазах брата светилась уверенность — холодная, расчётливая. Это насторожило меня сильнее, чем любая прямая угроза.

— А что ты будешь петь? — спросил я, стараясь не выдать волнения. — Неужели ту самую новую композицию про «одинокую звезду»?

Кирилл рассмеялся — звонко, почти издевательски.

— Нет, сегодня будет кое-что получше. Ты сам увидишь. И, кстати, не забывай, что ты тоже не просто так здесь. У тебя тоже есть свой выход, — он с ехидной улыбочкой указал на сцену.

— Я не забываю, — ответил я, сохраняя внешнее спокойствие, хотя сердце уже билось, где-то в горле. — Просто интересно, как ты собираешься выделиться из толпы. У тебя же всегда был талант к эффектным появлениям.

Кирилл прищурился, словно оценивая мою реакцию. В его взгляде мелькнуло что-то хищное.

— Эффектные появления — это для тех, кому не хватает содержания, — произнёс он медленно, почти вкрадчиво. — А я сегодня покажу, что такое настоящая страсть. И ты, мой дорогой брат, ещё пожалеешь, что начал этот разговор. Не сомневайся. Только вот... — он сделал паузу, и его взгляд стал жёстче, — не переоценивай свои силы. Публика сегодня будет требовательной. Особенно ко мне.

Я почувствовал, как внутри закипает злость. Но показывать это — значит дать ему преимущество. Поэтому просто

развернулся и пошёл прочь.

— Посмотрим, — бросил через плечо и направился к сцене.

У нас было десять минут, чтобы распеться. Я глубоко вдохнул, пытаюсь успокоить нервы. В голове крутились его слова: «Настоящая страсть». Что он задумал?

И вот — момент настал. На сцену вышла Анастасия

Владимировна. Яркий свет софитов выхватил её из полумрака кулис. Она уверенно направилась к центру, где уже ждал микрофон. Зал замер в ожидании.

А я стоял за кулисами и проверял голосовые связки, стараясь не думать о том, что произошло всего несколько минут назад. Но его взгляд, слова и ухмылка — всё это пульсировало в моей голове, как набат. Спокойно, мысленно сказал я себе. Сейчас твоя очередь показать, кто здесь по-настоящему умеет зажигать.

— Здравствуйте, дорогие гости, учителя и ученики! — голос Анастасии Владимировны, чистый и звонкий, словно хрустальный ручей, разнёсся по залу, мгновенно заглушая шёпот и перешёптывания.

Я почувствовал, как тяжёлая волна напряжения понемногу отступает, растворяясь в её интонациях. В каждом слове звучала неподдельная искренность и теплота — те самые качества, за которые её любили все без исключения. Она обладала редким даром: находить именно те фразы, что могли одновременно успокоить дрожащие нервы и зажечь огонь в

сердце.

Закрыв глаза, полностью отдаваясь её голосу. Он окутал меня, словно мягкое одеяло, унося в воспоминания о наших репетициях. В памяти вспыхнули моменты, когда она, не теряя терпения, раз за разом объясняла тонкости вокальной техники, когда её взгляд, полный безусловной веры, поддерживал меня в минуты сомнений. Эта вера стала моим якорем — той самой точкой опоры, без которой я бы наверняка потерялся в океане тревоги.

Когда я вновь открыл глаза, то увидел, как преподаватель одарила кого-то в зале тёплой улыбкой. И эта улыбка она будто озарила всё пространство вокруг, превратив обычный зал в место, где возможно чудо. Я знал: она не станет затягивать вступительное слово. Её миссия — представить нас, дать старт этому вечеру. И делала она это с

тем неподражаемым изяществом, которое всегда отличало её.

— И первым, кто откроет наш сегодняшний вечер, будет... — она выдержала искусную паузу, и в этот миг моё сердце забилось так часто, что, казалось, его стук слышали все в зале. — Наша талантливая студентка! Встречайте — Ангелина Сазонова!

Зал взорвался аплодисментами — громкими, искренними, полными ожидания. Я сделал глубокий, судорожный выдох, ощущая, как волна облегчения накрывает меня. Слава богу, не я первый. Этот небольшой запас времени давал шанс

ещё немного собраться с мыслями.

Ангелина шагнула на сцену, и зал притих в предвкушении. «Ветер», — её выбор оказался удивительно точным. Голос, звонкий и нежный, словно весенний бриз, полился в пространство. Она брала верхние ноты с такой лёгкостью, будто они были созданы специально для неё. Каждое слово звучало кристально чисто, каждая фраза дышала искренностью. Я ловил себя на том, что невольно задерживаю дыхание, боясь нарушить эту хрупкую магию.

А потом на сцену вышла Аня. «Формула счастья» — её выбор стал настоящим сюрпризом. Ни капли хрупкой меланхолии — только мощный заряд позитива, бьющий через край. Она двигалась по сцене с уверенностью королевы, её глаза сияли, а улыбка, казалось, освещала всё вокруг. Голос — сильный, уверенный, наполненный жизнью — заполнял каждый уголок зала. Люди невольно начинали пританцовывать, поддаваясь её энергетике.

Я смотрел на неё, как замороженный. В этот момент она была не просто исполнительницей — она превратилась в источник света, в эпицентр радости. Каждая нота и жест дышали такой неподдельной страстью, что я забыл обо всём на свете. В груди что-то сладко сжималось, а в голове билась одна мысль: «Как же она прекрасна».

Третий на очереди был мой братец Кирилл. Он выбрал композицию «Останешься». Его выступление стало для меня настоящим откровением — и одновременно горьким

разочарованием.

Голос у него и вправду оказался глубоким, проникновенным, обволакивающим, словно бархатный туман. Каждая нота вибрировала с почти гипнотической силой, но чего-то отчаянно не хватало: уверенности, огня, харизмы и той самой искры, что превращает хорошее исполнение в незабываемое.

Зал замер в почти благоговейной тишине. Даже самые шумные зрители притихли, погружаясь в атмосферу — но не в восторг, а в какое-то странное, напряжённое ожидание. Они слушали, кивали, улыбались вежливо, но я-то видел: как-то не захватило. «И как только люди слушают его?» — пронеслось в голове. Но тут же я одёрнул себя: сейчас не время судить. Моя очередь — следующая.

И вот на я сцене. «Даже если ты уйдёшь» — эту песню я посвятил Ане. Каждую ноту, каждое слово — только ей. Надеюсь, она поймёт. Надеюсь, услышит то, что я не могу сказать вслух.

Сердце колотилось, где-то в горле, грозя вырваться наружу. Свет софитов ослеплял, но я всё же разглядел её — в первом ряду. Её глаза, яркие, как две маленькие звезды, смотрели прямо на меня. В этом взгляде было что-то неуловимое — интерес? волнение? — и от этого дыхание перехватывало ещё сильнее.

Взял микрофон. Сделал глубокий и судорожный вдох. И начал петь.

Слова ложились на музыку, как лепестки на воду, — легко, но неотвратно. Каждая нота была пропитана тем, что я чувствовал: тоской, нежностью, робкой надеждой. Я пел о пустоте без неё, о мире, теряющем краски, когда её нет рядом. Вкладывал в каждую строчку всю душу, каждую невысказанную мысль, каждое затаённое чувство.

Я не просто пел — я говорил без слов. И молился, чтобы она слышала. Не музыку — а то, что за ней. Зал растворился.

Остались только она и мой голос.

А потом на сцену вышел Александр Абрамов. «Без неё никак» — его выбор оказался неожиданно пронзительным.

Голос — низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, которая придавала исполнению особую, почти интимную чувственность. Он не двигался, почти не жестикулировал — стоял неподвижно, закрыв глаза, — но вся его фигура излучала эмоции. Это было не выступление. Это было признание.

Когда он допел последние аккорды, зал взорвался аплодисментами — но на этот раз всё было иначе. Эти взгляды, улыбки — они были полны уважения и понимания. Люди не просто хлопали: они благодарили за искренность. Я заметил, как Аня, сидящая в первом ряду, тоже хлопает — тепло, искренне, с лёгким блеском в глазах.

После выступления Кирилла его тут же окружили друзья — хлопали по плечу, смеялись, что-то оживлённо обсуждали. А девушки в зале уже не было.

Вдруг рядом возникла Даша. Она подбежала ко мне и крепко обняла — так, что на мгновение даже стало трудно дышать.

— Ты был невероятен! — её голос звенел от восторга. — Я чуть не расплакалась, честно!

Я улыбнулся, но мысли были далеко. Сейчас — мой шанс. Нужно найти Аню.

— Послушай, — сказал я, осторожно отстраняясь. — Я хочу ненадолго отойти. Подождёшь меня на улице?

— Ой, извини, — она слегка смутилась. — Мне нужно найти пару знакомых, мы договорились встретиться. Но потом обязательно вернусь сюда, на это место, и мы всё обсудим, ладно?

Я кивнул, и она, махнув рукой, исчезла в толпе. Огляделся и вдруг заметил её — Денисову — неподалёку от бара. Она неспешно пила коктейль, глядя куда-то вдаль. Её сказочное платье ловило каждый блик света в полумраке зала. В её глазах отражались огоньки, и лёгкая улыбка играла на губах, когда она отпивала из высокого бокала. В этот момент она казалась не просто красивой — она казалась недостижимой.

Я замер на мгновение, разрываясь между робким «подождать» и нетерпеливым «подойти». Но сердце, не дожидаясь решения разума, уже рванулось вперёд — и ноги сами сделали шаг.

— Ты такая красивая, — выпалил я, подходя вплотную. Слова сорвались с губ резко, почти отчаянно.

Её реакция стоила тысячи слов. Глаза расширились, губы приоткрылись — она чуть не поперхнулась коктейлем. На долю секунды во взгляде мелькнуло изумление, смешанное с лёгкой растерянностью. А потом — тёплая, чуть смущённая улыбка.

— Спасибо большое. А ты классно спел песню. Мне понравилось, — её голос звучал искренне.

— Спасибо, я рад, что тебе понравилось. Ты тоже была на высоте! У тебя очень милый голос, — я старался говорить спокойно, но внутри всё трепетало.

Она лишь улыбнулась в ответ — тихо, загадочно, будто знала, что-то, чего не знал я.

И тогда я решился:

— Предлагаю не терять времени и станцевать со мной, пока Кирилла нет. Мы ему ничего не скажем. Пойдёшь со мной?

— А ты, как и Кирилл, настырный, смотрю, — в её тоне проскользнула лёгкая ирония, но без злости — скорее с любопытством.

Я приблизился чуть ближе, почти касаясь её уха, и прошептал:

— А я не упущу такой возможности станцевать с тобой.

Тишина между нами длилась всего мгновение — но оно растянулось в вечность.

— Ну что ж, ты меня уломал оторваться от коктейля и размяться. Пойдём, — с улыбкой ответила она.

Внутри меня взорвалась фейерверк радости. Улыбка, которую я тщетно пытался сдержать, расцвела на лице, словно солнце, прорвавшееся сквозь тучи. Я не мог — и не хотел — скрывать своё счастье.

Медленно протянул руку. Её ладонь легла в мою — тёплая, нежная, чуть дрожащая. Мы двинулись в центр зала, где уже кружились другие пары, сливаясь в единый поток музыки и движения.

Зазвучала песня «о боже дай мне сил» — будто специально для нас включили. Мы начали двигаться в такт, плавно, осторожно, словно пробуя друг друга на ощупь. Я нежно держал её руку, чувствуя, как пульс стучит в кончиках пальцев.

Её глаза были как два океана, наполненные синим сиянием. В них можно было утонуть — забыть обо всём на свете, потеряться в бездонной глубине, где каждая искорка света казалась обещанием чего-то большего. Это был портал в иной мир — мир тишины и вечности, где время текло иначе, а мечты обретали плоть под покровом бархатной темноты.

Каждый поворот и шаг ощущался единственно верным, словно мы танцевали не просто под музыку, а под мелодию наших сердец, бьющихся в унисон. Воздух вокруг нас наполнился особым ароматом — смесью её духов, фруктовых нот коктейля и чего-то неуловимого, что можно было ощутить только здесь и сейчас.

Я чувствовал, как её тело отзывается на мои движения, как мы становимся единым целым в этом плавном, завора-

живающем танце. Её ладонь в моей руке, её взгляд и дыхание — всё это складывалось в картину абсолютного счастья. В этот момент, среди множества других людей, я ощущал себя самым счастливым человеком на земле. Потому что рядом со мной была она — моя прекрасная спутница.

Краем глаза я заметил Дашу. Её лицо — как открытая книга: в глазах мелькнуло недоумение, потом тень обиды, а затем — решимость. Она резко развернулась и ушла в неизвестном направлении.

Через несколько минут девушка вернулась. Но не одна. Рядом с ней шёл Кирилл. Ну, конечно. Как я мог не догадаться? Денисова наверняка шепнула ему, что я танцую с его девушкой. Кирилл что-то сказал Даше — коротко, сдержанно. А когда наш танец закончился, он тихо подошёл к нам и спросил:

— Так-так! Хорошо с моей партнёршей потанцевал?

Мы резко повернули головы. Перед нами стоял мой любимый братец — его глаза пылали яростью, взгляд метался, между нами.

— Конечно, братец. Нам обоим понравилось, если честно, — я растянул губы в ехидной ухмылке. — Что, Кирюш, зависть берёт? Или ревность так мучает, что я твою девушку увёл?

— Ха! Знаешь, что, братик? Может, у меня хоть отбавляя ревности, но, в отличие от тебя, я не танцую с занятой дамой, — голос его сочился презрением. — Даша, между прочим,

тебя ждала, а ты тут развлекаешься с моей девушкой. Ничего, что она всё видела? Ты не думал о её чувствах? О том, что ей будет больно или неприятно?

Аня покосилась на нас и сложила руки на груди. Кирилл резко схватил её за руку и притянул к себе. Её щёки вспыхнули румянцем, глаза расширились от неожиданности.

Не отводя взгляда от брата, я лишь усмехнулся. Его гневные слова звучали как насмешка. Ведь именно он всегда был тем, кто пренебрегал правилами, брал, что хотел, не думая о последствиях. А теперь пытался сделать виноватым меня — хотя сам же и спровоцировал эту ситуацию.

— О, брат, ты так печёшься о чувствах Дарьи? — протянул я, делая шаг к нему. — Как это трогательно. Даш, что ты ему сказала?

Денисова смотрела на меня с нескрываемым любопытством. На лице моего дорогого брата промелькнула тень растерянности — он тут же попытался скрыть её за новой волной раздражения.

— Знаешь что? Ты переходишь все границы, братец, — прошипел Кирилл, сжимая кулаки. — И всегда был таким неуважительным и наглым.

— А ты всегда был таким, — парировал я, — трусливым, прячущимся за чужими спинами. Неужели боишься признать, что Аня сама выбрала меня? И что твои попытки контролировать её жизнь обречены на провал?

— Она тебя не выбирала, — коротко отрезал Кирилл.

Я сделал ещё один шаг, сокращая дистанцию, между нами. Аня, отойдя от меня и резко прижалась к своему парню, смотрела на меня с тревогой. Но в её глазах я видел и что-то другое — искру вызова, вспыхнувшую в ответ на его слова.

— Я лишь спросила у Кирилла, где моя сестра, — тихо произнесла она.

— Почему-то я тебе не верю, Даш, — бросил я, не сводя взгляда с брата параллельно. — Так что, братик, — продолжил я, понизив голос, — может, тебе стоит подумать о своих собственных чувствах? О том, что ты на самом деле хочешь? Или ты так и будешь жить, пытаясь доказать всем, что превосходишь меня во всём?

Я взглянул на него — и волна его напряжения достигла предела. Даша, казалось, затаила дыхание. Денисова наконец отстранилась от Кирилла и посмотрела прямо на меня. В её взгляде читалась твёрдая решимость — словно она переступила невидимую черту, за которой больше не было места страху и сомнениям.

— А может, — произнесла Аня, обращаясь к моему брату, и её голос, неожиданно твёрдый и звонкий, разорвал натянутую тишину, — тебе стоит перестать контролировать меня? Понять, что я сама могу решать, с кем мне танцевать. Ты не в праве мне запрещать.

— Зай, ты забываешь, что я твой парень, — начал Кирилл, и в его голосе зазвучали угрожающие нотки. Но я не дал ему продолжить:

— И что ты мне сделаешь? — с нарочито беспечной, почти издевательской ухмылкой бросил я, глядя ему прямо в глаза.

Он впился в меня взглядом, полным неприкрытой ненависти. Его кулаки непроизвольно сжались, на скулах заиграли желваки, а ноздри гневно раздувались. Я продолжал ухмыляться — нарочито, вызываяще, будто дразнил дикого зверя.

— Парни, прекратите! — резко вмешалась моя подруга. В её голосе звучали раздражение и усталость, словно она уже тысячу раз видела эту сцену. — Вы ведёте себя как малые дети, честное слово!

— Твоя девушка просит — стоит послушаться, — язвительно протянул Казанцев, бросив на меня ледяной взгляд. — А знаешь, мой младший братец пытается угнаться за всеми девушками в этом городе. Ах да, забыл: Дарья и Константин — встречаются, — добавил он с едкой усмешкой, намеренно растягивая слова.

Аня разочарованно посмотрела на меня. В её глазах промелькнула такая глубокая печаль, что у меня внутри что-то сжалось.

— Это правда? — тихо спросила она, и в её голосе прозвучала такая искренняя растерянность, что мне стало не по себе.

— Если ты мне веришь, то знай: это не так, — поспешил я объяснить, стараясь вложить в слова всю возможную ис-

кренность. — Даже если мы и проводили время вместе, то это только дружба. Между нами, ничего нет, честно.

— Ну да, конечно, — фыркнул Кирилл с презрительной усмешкой. — Братишка, после таких слов тебе никто не поверит. Моя девушка верит только мне, потому что я её парень, а не ты. И перед ней тебе отчитываться не стоит — для Ани ты никто.

Его слова ударили, словно пощёчина. Я почувствовал, как внутри закипает злость, но сдержался, сжимая челюсти так, что заныли зубы.

— Тогда и отчитываться перед ней сам. Я-то не обязан, — холодно ответил я, стараясь не выдать, насколько меня задела его слова.

В этот момент я наконец заметил, какие эмоции отразились на лицах девушек. В глазах Ани — смесь обиды и растерянности, в глазах Дарьи — глубокая, почти осязаемая боль. Чёрт возьми, мы оба перегнули палку. Как я мог не заметить, насколько сильно ранят наши слова? Стыд накрыл меня с головой — за себя, за брата, за всю эту глупую сцену.

Вдруг Дарья резко отступила назад, развернулась и бросилась прочь. Не раздумывая, я рванул за ней.

— Даша! — кричал я, изо всех сил стараясь догнать её.

Наконец мне удалось схватить её за руку. Она остановилась, но даже не повернулась ко мне. Её плечи дрожали, а дыхание прерывалось.

— Объясни, что такого я сказал? — спросил я, чувствуя,

как внутри всё сжимается от тревоги.

Она медленно повернулась. Её глаза были полны слёз, но в них горела такая боль, что мне стало физически больно.

— Ты не должен был за мной бежать, — прошептала она дрожащим голосом. — Я знаю, моя сестра красивая и классная. За ней все бегают. — Она всхлипнула, но продолжила, глядя мне прямо в глаза: — Я не удивлена, что и ты за ней бегаешь, Кость. Только самое прикольное, что у тебя есть я. Но ты меня как девушку не рассматриваешь.

Не дав мне ответить, она резко подалась вперёд и поцеловала меня. Это был отчаянный, почти болезненный поцелуй — словно последний шанс достучаться до меня, выразить всю ту боль и обиду, что копилась внутри.

Я опешил. Её губы были мягкими, но в этом поцелуе не было нежности — только горечь и безысходность. Мне показалось, будто её губы не были для меня родными, будто этот поцелуй принадлежал кому-то другому. Отстранившись от неё, я почувствовал, как кровь приливает к лицу, а в груди разрастается тяжёлое, давящее чувство вины.

— Даш, ты что творишь? — прошептал я, и голос дрогнул, словно я сам боялся услышать ответ. — Мы же друзья. Ты же знаешь, что мне нравится твоя сестра.

Она резко отвернулась, уткнувшись лицом в ладони. Плечи содрогались в беззвучных рыданиях, пальцы судорожно сжимали ткань платья.

— Знаю, — глухо, почти неразличимо ответила она. — И

именно поэтому мне так больно. Ты видишь только её, Кость. А я здесь, рядом. Я тоже чувствую. Хочу, чтобы меня заметили, не как подружку, не как сестру Ани, а как девушку.

Её слова врезались в сознание, словно осколки льда. Я замер, пытаюсь осознать услышанное. В голове крутилась одна мысль: «Как я мог не заметить? Как мог не увидеть, что за улыбкой скрывается такая боль?»

Я всегда воспринимал её как верного друга — ту, к кому можно прийти в любой час, поделиться самым сокровенным, найти утешение. Она была рядом в самые тяжёлые моменты, вытирала мои слёзы, когда казалось, что мир рушится. Но сейчас, глядя на её растрёпанные волосы, на слёзы, бесконтрольно стекающие по бледным щекам, я впервые увидел её по-другому. Увидел не просто подругу — увидел девушку, которая отчаянно хочет быть любимой.

— Дашуль, — мой голос предательски дрогнул. — Ты замечательная подруга и девушка, но кроме дружбы я больше ничего к тебе не чувствую. Прости.

Она вдруг рассмеялась — коротко, резко, с горечью. Этот смех резанул по нервам сильнее любых обвинений.

— Хочешь, я докажу, что эти двое вместе? — в её глазах вспыхнул вызов, смешанный с отчаянием.

Сначала я подумал, что это очередная попытка привлечь внимание, какая-то нелепая шутка. Но что-то в её взгляде заставило меня кивнуть.

Не говоря ни слова, она схватила меня за руку — пальцы

были ледяными, но хватка оказалась железной — и потащи-
ла

в соседнюю комнату.

В тот же миг моё сердце будто остановилось. Они стояли в полумраке, забыв обо всём на свете. Братец держал ладони на щеках Ани, его пальцы нежно скользили по её коже. Она обвила руками его шею, прижимаясь так близко, словно пыталась раствориться в нём. Их губы слились в поцелуе — нежном, глубоком, полном невысказанной страсти.

Время замерло. Звуки исчезли. Остался только этот момент — острый, как лезвие, разрывающий мне грудь изнутри.

В груди заворочалась тёмная волна — не просто ревность, а что-то большее. Смесь зависти, обиды и боли. Они выглядели такими счастливыми, правильными вместе, что внутри всё сжалось от осознания: я никогда не буду на его месте. Никогда не почувствую, как её руки обнимают меня так же. Мысли вихрем пронеслись в голове: «Что ж, братец готовься. Эта война только начинается».

9 ГЛАВА

Костя

Май 2004 год

Лето в маленьком городке всегда пахло скошенной травой и пылью, прибитой первым грозовым дождём. Для меня это

лето выдалось особенным — я впервые остался у бабушки в деревне на целых 3 месяца.

Её дом — старый и уютный, с резными наличниками и скрипучими половицами — казался целым миром. Но этот мир был немного одиноким. Хотя у меня в деревне было много друзей, я всё же ощущал нехватку близкого человека: мой старший брат Кирилл остался в городе.

Однажды, когда солнце уже клонилось к закату, а небо затягивали тяжёлые синие тучи, я сидел на крыльце и наблюдал, как ветер треплет верхушки деревьев. Вдруг, из-за поворота пыльной дороги, показалась фигурка. Девочка шла, не спеша в своём лёгком нежно-розовом платице, с каким-то странным, задумчивым выражением лица, и несла в руках старую, потрёпанную книгу. По мере того, как она приближалась, я разглядел каштановые волосы, заплетённые в две косички, и глаза с мерцающим серо-голубым оттенком.

Она остановилась у калитки бабушкиного двора, словно собираясь что-то сказать мне. Но потом, будто передумав, просто прошла мимо. Я проводил её взглядом, чувствуя необъяснимое любопытство. Кто она? Почему шла одна с такой потрёпанной книгой?

В деревне все друг друга знали, но эту девочку я видел впервые. Её молчаливое появление и столь же бесшумное исчезновение оставили в моей душе лёгкое недоумение, будто предвещающая что-то новое. Я встал и подошёл к калитке, вглядываясь в удаляющуюся фигурку. Она не оглядывалась.

Казалось, вся её сосредоточенность была направлена на книгу, которую она бережно прижимала к груди.

Ветер усилился, принеся с собой запах мокрой земли и приближающейся грозы. Я вернулся на крыльцо, но теперь мои мысли были заняты не только надвигающейся непогодой. Эта незнакомка — с её задумчивым взглядом и таинственной книгой — стала для меня загадкой, которую отчаянно хотелось разгадать.

Заинтригованный, я выскочил из-за крыльца, охваченный желанием догнать её, пока она не скрылась из виду окончательно.

– Привет! – крикнул я, чувствуя, как сердце колотится в груди.

Она обернулась. Её глаза удивлённо расширились, словно два ярких озёрца, в которых мгновенно отразилось моё взволнованное лицо. Девочка выглядела на первый взгляд такой маленькой и хрупкой — словно цветок, только что распустившийся под утренним солнцем, излучающий нежность и уязвимость. Но в её взгляде, глубоком, как ночное небо, полное звёзд, таилась неведомая сила, будто за этой детской безмятежностью скрывалась целая вселенная. Её тонкие пальцы, похожие на нежные веточки ивы, нервно сжимали край платья, а лёгкий ветерок, проскользнувший мимо, трепал её светлые волосы, словно пытаюсь раскрыть тайну, спрятанную за внешней хрупкостью. В её облике читалась тихая, но непреклонная сила — как в семени, готовом

прорасти сквозь камень, или в ручье, который, казалось бы, безобиден, но способен проложить себе путь через самые неприступные скалы.

– Привет, – ответила она тихим, мелодичным голосом.

– Как тебя зовут? – спросил я, делая шаг ближе и стараясь унять дрожь в голосе.

– Я Даша Денисова, – произнесла она, прижимая к груди книгу, словно это был самый ценный клад. – Я живу в доме на холме.

– А я Костя Казанцев. Живу здесь у бабушки. А тебе сколько лет? – поинтересовался я, потому что мне было интересно узнать о ней.

– 5, а тебе?

– 7, – ответил я, невольно выпрямляясь, чтобы казаться взрослее.

В этот момент первые крупные капли дождя упали на пыльную дорогу, нарушив тишину резким стуком. Она подняла голову, и на её лице появилась лёгкая, почти невесомая улыбка — как первый луч солнца после долгой грозы. Даша протянула ладонь, пытаясь поймать одну из капель, и на мгновение замерла, ощущая, как прохлада проникает сквозь кожу, принося с собой странное, волнующее облегчение.

– Кажется, будет ливень, – сказала девочка, и в её голосе прозвучала не тревога, а предвкушение.

Вскоре дождь усилился, превратившись в настоящий ливень. Пыль на дороге мгновенно превратилась в грязь, но её

это, казалось, совсем не беспокоило. Она кружилась на месте, подставляя лицо потокам воды, и смеялась — звонко, беззаботно, словно дождь был её давним другом. Её волосы намокли и прилипли к щекам, платье и книга потемнели от влаги, но в каждом её движении читалась абсолютная свобода.

Мимо проехала машина, окатив её брызгами, но Даша лишь радостно вскрикнула, запрокинув голову к небу. Дождь был её другом, спасением от знойной жары и маленьким личным праздником. В этот момент она казалась воплощением счастья — свободной, искренней, без оглядки на правила и условности.

Мне вдруг показалось, что она относится к жизни с удивительной лёгкостью, не боясь быть самой собой. Эта мысль пронзила меня, как молния, и тут же в голове вспыхнула другая: «А вдруг она заболит?»

– Давай спрячемся у меня! – выпалил я, не раздумывая. – У меня тут есть печенье и чай. Ты согреешься в этом доме.

Даша колебалась всего мгновение — в её глазах мелькнуло сомнение, но тут же растворилось в потоке

эмоций. Она кивнула, и в этом простом движении было столько доверия, что у меня перехватило дыхание. Вместе мы забежали на крыльцо. Бабушка, увидев незнакомую девочку, приветливо улыбнулась — её глаза потеплели, а на лице появилась та особая, все понимающая улыбка, которая всегда заставляла меня чувствовать себя защищённым. Она

распахнула дверь и пригласила нас в дом, и в тот момент мне показалось, что мир стал чуть добрее и светлее.

Внутри было тепло, уютно и пьяняще пахло ванилью — словно сама атмосфера дома обволакивала мягким, заботливым объятием. Бабушка поставила на стол домашние печенья, от которых поднимался лёгкий пар, и заварила ароматный чай. Мы сели рядом, и, между нами, будто по волшебству, сразу возникла какая-то невидимая, но осязаемая связь — как будто два давно потерянных кусочка мозаики наконец нашли друг друга.

Бабушка с тёплой, все понимающей улыбкой поставила перед нами чашки. Даша осторожно открыла свою мокрую от дождя книжку. Это была сказка про принцессу, которая жила в замке на берегу моря. Когда девочка начала читать вслух, её голос — тихий, завораживающий, с едва уловимыми переливами — уносил меня в мир волшебства. Я слушал, затаив дыхание, и перед глазами оживали картины: сверкающие башни замка, бескрайнее синее море, шум прибоя и крики чаек. Каждое слово звучало как мелодия, каждая фраза рисовала новые детали, и я чувствовал, как реальность растворяется, уступая место чудесам.

Когда Даша дочитала последнюю страницу, в комнате повисла особая тишина — не пустая, а наполненная, словно воздух после грозы, когда каждый вдох кажется особенно чистым и глубоким. Её нарушало лишь мерное тиканье старинных часов на стене — размеренное, убаюкивающее, буд-

то сердце дома. Я почувствовал лёгкое сожаление, что сказка закончилась, но вместе с ним — тёплое, разливающееся по всему телу ощущение уюта и защищённости.

Даша закрыла книгу, и её глаза встретились с моими. В них читалось что-то новое, невысказанное, но оттого ещё более ценное — будто между нами появился общий секрет, невидимый для остальных. Мы обменялись улыбками, и в этот миг я понял: этот дождливый день, начавшийся так неожиданно, стал началом чего-то особенного, чего-то, что изменит нашу жизнь.

Бабушка, наблюдая за нами с доброй, чуть задумчивой улыбкой, предложила ещё печенья. Мы с удовольствием приняли её предложение, и вскоре комната наполнилась нашими голосами — мы делились впечатлениями от прочитанного, обсуждали героев, фантазировали о продолжении истории. Казалось, мы знали друг друга целую вечность: слова лились легко, смех звучал естественно, а паузы между фразами были наполнены пониманием.

Когда дождь закончился, первые лучи солнца пробились сквозь тучи, озарив мир мягким, золотистым светом. Даша посмотрела на улицу, и её лицо озарилось таким же светом. Воздух был свежим и влажным, напоённым ароматами мокрой земли и распускающихся цветов. Капли дождя, словно крошечные бриллианты, сверкали на изумрудной траве и тёмных ветвях деревьев. Мир казался обновлённым, умы-

тым, полным обещаний и новых начал.

— Спасибо, — сказала она, глядя на меня. В её голосе звучала искренняя благодарность и что-то ещё — лёгкая нотка грусти, будто ей не хотелось уходить. — Это было здорово!

— И тебе спасибо, — ответил я, чувствуя, как сердце наполняется чем-то новым, тёплым и трепетным. — Ты ещё придёшь?

Даша улыбнулась, и эта улыбка осветила её лицо, как солнце после дождя. В этот миг все тревоги, что ещё недавно омрачали её взгляд, отступили, уступая место тихой радости и предвкушению чего-то светлого. Мы сидели за столом, и её рассказ — теперь уже не из книги, а из жизни — был полон живых красок. Я почти ощущал тепло солнца на коже, слышал шёпот ветра в листве, чувствовал запах полевых цветов. Каждое её слово было словно драгоценный камень, огранённый и сияющий, выстраивая перед моими глазами картину мира, где царили гармония и красота.

Я слушал, затаив дыхание, боясь спугнуть это хрупкое волшебство, которое девочка так легко и непринуждённо создавала вокруг себя. В её истории было столько жизни, искренности, что казалось, будто сама природа прислушивается к её голосу.

— Приду, — пообещала она, и в этом простом слове прозвучала твёрдая уверенность.

Наша история началась именно так. Мы были детьми, проводили каникулы в деревне и не беспокоились ни о чём.

Солнце пекло нещадно, пыль клубилась под босыми ногами, а дни тянулись бесконечно, наполненные смехом, играми и тайными приключениями. Мы строили шалаши в густых зарослях ивы у реки, представляя себя отважными исследователями неизведанных земель. Даша всегда была лидером — смелая, решительная, с глазами, полными озорства и жажды открытий.

Помню, как однажды мы наткнулись на старую, полуразрушенную лодку на берегу. Она была покрыта мхом и паутиной, словно дремлющий исполин, забытый временем. Но для нас это мгновенно превратилось в настоящий пиратский корабль — величественный, таинственный, полный обещаний неведомых приключений.

Даша тут же, с горящими глазами и торжествующей улыбкой, объявила себя капитаном, а меня — своим верным помощником. В тот миг её образ преобразился: в осанке появилась королевская стать, во взгляде — решимость первооткрывателя. Я невольно выпрямился, ощущая, как во мне просыпается дух авантюризма.

Мы провели целый день, «плавая» по воображаемым морям. В нашем воображении волны становились всё выше, морские чудовища — всё страшнее, а затерянные сокровища — всё желаннее. Мы сражались с фантомными кальмарами, уклонялись от воображаемых пушечных ядер и пели пиратские песни, которые сами же и сочиняли. Время растворялось в этом вихре фантазии — мы были не просто

детьми, а покорителями океанов, искателями сокровищ и героями собственных легенд.

Вечером, когда взрослые звали нас домой, мы сидели на берегу, наблюдая, как солнце медленно погружается в реку. Небо пылало огненными красками — от алого до золотистого, от пурпурного до нежно-розового. Вода отражала это великолепие, превращаясь в расплавленное золото. В такие моменты мир словно останавливался, и казалось, что он принадлежит только нам — двум маленьким исследователям, для которых впереди лежали бескрайние возможности. И эти возможности, словно нити волшебного узора, были неразрывно связаны с ней, с Дашей, с её неугасимым огнём в глазах.

Однажды, в самый разгар лета, когда жара достигла своего пика и даже птицы притихли в кронах деревьев, будто затаив дыхание, Даша пришла ко мне с загадочным блеском в глазах. Её лицо пылало от возбуждения, а в руках она сжимала потрёпанный блокнот, изрисованный каракулями, которые складывались в причудливую карту.

— Костя, — прошептала она, едва переступив порог бабушкиного дома, и её голос дрожал от нетерпения, — у меня есть план!

Я взглянул на неё, и сердце ёкнуло от предвкушения — в такие моменты Дашка становилась настоящей колдуньей, способной превратить обыденность в волшебство.

— Какой план? — спросил я, стараясь сохранить спокой-

ный тон, хотя внутри всё трепетало.

— Мы должны найти клад! — её глаза сияли, как две маленькие звезды. — Я читала в старой книге, что где-то здесь, в лесу, спрятан сундучок с сокровищами. Говорят, его оставил путешественник ещё сто лет назад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.